

СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ

Максим Трудолобов

**Я и моя страна:
общее дело**

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Максим Трудолюбов

Я и моя страна:
общее дело

Московская школа
политических исследований
2011

ББК 66.3(2)12

Т 78

Дизайн обложки *Анны Хохловой*

Книга издана при поддержке Института «Открытое общество» (HESF), Шведского агентства по международному сотрудничеству для развития (SIDA), Фонда Чарльза Стюарта Мотта, группы компаний «Рольф».

Трудолюбов Максим

Т 78 Я и моя страна: общее дело. — М.: Московская школа политических исследований, 2011. — 144 с.

За 20 лет, прошедшие после распада СССР, проблемы выживания и ориентация на достижение личного успеха полностью вытеснили из массового сознания такие сложные категории, как общество и государство, считает автор книги. Граждане России, как показывают социологические исследования, испытывают отчужденность от общественных процессов: выбора достойных лидеров, организации жизни в городах, районах, стране. Между тем, без общего дела. res publica, нет общей страны. Как изменить ситуацию? На каких основаниях строить механизмы гражданского участия, солидарности и ответственности за судьбы России? Об этом размышляет известный журналист Максим Трудолюбов.

ББК 66.3(2)12

ISBN 978-5-91734-021-0

© М.Трудолюбов, 2011

© Московская школа
политических исследований, 2011

Содержание

<i>С. М. Гуриев</i>	4
Доля участия	6
1. Без общего дела	9
2. Без места	24
3. Без времени	38
4. Ценности и интересы	49
5. Управление жадностью	64
6. Управление культурой	83
7. Работа над кавычками	105
8. Вернуть долю в стране	122

Книга Максима Трудолюбова — это работа одного из ведущих публицистов сегодняшней России, хорошо знакомого и с российской, и зарубежной действительностью (Максим провел год в Йельском университете по программе Yale World Fellows и год в Гарвардском университете — по стипендии Нимана).

Раздел мнений и комментариев в газете «Ведомости», где выходила значительная часть материалов, составивших эту небольшую книжку — уникальное достижение и коллектива газеты, и лично Максима. Уже более десяти лет именно на этой странице можно найти независимые точки зрения — несмотря на цензуру, кризисы, банковскую панику, рост и падение цен на нефть, приток и отток капитала. Максиму как редактору отдела «Комментарии» очевидно казалось, что аудитории недостает обсуждения гражданских ценностей.

Я полностью с ним согласен. В «Ведомостях» я не раз писал о том, что никакие политические и экономические проблемы России не удастся решить без создания социального капитала и накопления доверия. Вместе с Максимом (и Олегом Цывинским) мы написали и статью о ценностях демократии*. К сожалению, сегодня большинство россиян

* См.: препринт ЦЭФИР/РЭШ №135 «Russian Attitudes Toward the West» (доступна на сайте ЦЭФИР <http://www.cefir.ru/download.php?id=2283>), она также вышла в виде главы 7 в книге Russia Balance Sheet. Peterson Institute for International Economics. — Washington, D.C., 2009.

не доверяют друг другу и не чувствуют, что у них есть «общее дело». При этом уровень социального капитала среди молодого, путинского поколения россиян, скорее всего еще ниже, чем у их старших сограждан.

Видя цинизм и всепроникающую коррупцию бюрократов на всех уровнях власти, россияне с недоверием относятся к любым общественным и гражданским инициативам. Филантропов подозревают в попытке уйти от налогов и отмыть деньги, независимых интеллектуалов и политиков — в работе «по заказу», лидеров экологических движений и борцов с коррупцией — в стремлении прорваться в большую политику и получить свою долю «статусной ренты». Эти подозрения часто бывают не лишены оснований. Но, к сожалению, отсутствие доверия друг к другу и готовности отстаивать общие интересы означает, что построить работающие механизмы гражданского общества в России будет трудно даже когда власти перестанут ограничивать независимые некоммерческие организации.

Еще один парадокс, о котором пишет Максим, заключается в том, что при отсутствии доверия россияне все же считают, что «государство» главнее граждан. Во многом это результат пропаганды со стороны элиты. Для удержания власти российская элита создает у простого россиянина образы внутренних и внешних врагов и объясняет отставание России вражескими происками, а не своей корыстностью, неграмотностью и ленью. В своей книге Максим Трудолобов предупреждает, чем может закончиться для власти такая политика. Неэффективный и коррумпированный режим обанкротится, и процесс его смены может оказаться тем самым общим делом, которого у россиян пока нет. Книга дает и совет элите — перестать врать и воровать и начать делиться властью с народом.

Сергей Гуриев,
ректор Российской экономической школы

Доля участия

В честь какого-то праздника нам в детском саду подарили наборы карандашей — каждому по одинаковой розовой картонной коробочке в мелкую клетку. Поверх клеток там были большие римские цифры XXV, означавшие порядковый номер съезда КПСС, прошедшего в 1976 году (тогда я впервые заинтересовался римскими цифрами). Воспитательница рассказала нам о съезде партии и о нашем прекрасном будущем. Помню, что я, вместо того чтобы рисовать, углубился в раздумья, примерно такие. У нас самая большая страна в мире, у нас первый космонавт, самый лучший детский сад, самый красивый город Москва и даже самый большой съезд. После этого мне стало жалко людей, которым выпало родиться в других странах, и я пытался придумать способ помочь им. Например, возить их в гости и показывать нашу страну или отдать им какую-нибудь из самых больших вещей, которых у нас все равно избыток, — ракету или ледокол.

Так думал о своей стране ребенок из детского сада номер 1789, второго микрорайона Беляево Черемушкин-ского района города Москвы. У всех, кто сейчас старше 30, в детстве могла быть похожая история и похожие мысли. Все-таки воспитатели и учителя по обязанности, а часто и искренне прививали детям представление о самих себе как о части страны. Позже я понял, что моя доля участия может заключаться не в одном только восхищении.

Страна — это наш язык. Он — наша оптика. У большинства из нас нет возможности надолго уезжать и научиться видеть страну как бы издали, поэтому мы неизбежно

смотрим на мир через Россию, как через объектив фотоаппарата.

Темпераменты, вкусы, привычки разные, а страна — то, что на самом деле есть у всех общего. Общий язык, сходный опыт и взгляд на происходящее должны объединять всех, кто живет в стране. Но социологи говорят, что одна из особенностей мироощущения граждан сегодняшней России — отчужденность от своей страны*. Двадцать лет назад не стало Советского Союза и появление новой политической единицы, Российской Федерации, совпало с экономической революцией. Граждане, привыкшие оглядываться на государство с надеждой или страхом, оказались предоставлены сами себе. Те, кто до 1991 года зачитывался актуальной публицистикой и новыми книгами, обнаружили, что на чтение нет времени. Выживание потребовало всех сил. Частная жизнь — и для богатых, и для бедных — вытеснила интерес к общественным процессам.

В сравнении с населением других стран россияне в наименьшей степени ощущают единство со своей страной. Отчужденность у жителей России примерно такая же, как у арабского населения Израиля. Крепче всего связанными со своей страной себя чувствуют жители Венгрии, Болгарии и еврейское население Израиля. Ближе всего к России по степени отчужденности людей от страны помимо арабского населения Израиля оказались Восточная Германия, Латвия и Тайвань. Но Россия — в самом низу списка.

Мало кого так долго и навязчиво приучали быть частью целого — рабочего коллектива, коммунальной квартиры, класса, партии, народа. Мало кому пришлось пережить такой шоковый переход от уравнилельного общества к рынку. «Я» и «мы» оказались разведены. За последние 20 лет сфера частного (*res privata*) сильно опередила в развитии сферу общественного (*res publica*).

* См.: В. Магун, А. Магун. Идентификация граждан со своей страной: российские данные в контексте международных сравнений. // *Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации.* — Киев, 2007.

В части личных достижений многим есть чем гордиться. Но общих, командных достижений становится все меньше. На чемпионатах и Олимпийских играх страна выступает плохо. Вклад России как научной державы в мировую науку минимален. Но это не значит, что хороших спортсменов или ученых стало меньше. Российские спортсмены играют в других странах, российские ученые получают профессорские должности в иностранных университетах. И речь не только о тех, кто работает за границей: личный успех в принципе стал важнее общего. Некоторые из нас вполне сознательно отказались от своей доли участия в делах страны, некоторые, погрузившись в повседневные проблемы, просто не задумываются о таких далеких абстракциях, как общество и государство. Немало и тех, кто чувствует себя «обманутыми дольщиками» в том смысле, что доля их участия в общем деле теперь слишком дешева.

Нужно ли и возможно ли изменить это положение — вопрос. И если его можно изменить, то не с помощью новых назначений в министерствах и строительства новых стадионов. В минувшие годы государство стремилось обеспечивать причастность к общему делу в его советской форме, то есть старалось имитировать политическую активность, создавать ручные партии и организации, а граждан стремилось сделать пассивной аудиторией. Это проверенная стратегия, но вряд ли она будет действенной всегда — аудитория может вдруг проснуться. Граждане, большинство из которых никуда не уезжали, а просто выживали, зарабатывали и делали карьеру, могут пожелать «вернуться в страну», с которой их сейчас почти ничего не связывает. Почувствовав, что перед ними тупик, что выживать становится труднее, а расти некуда, что «элита» в своем поведении достигла пределов цинизма, они могут вспомнить, что у них есть право голоса. Общественная дискуссия может вновь стать увлекательной. Недовольство положением и стремление изменить его объединяет людей гораздо крепче, чем организованный восторг. По крайней мере так было 20 лет назад.

1. Без общего дела

ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ

За минувшие 20 лет предпринималось немало попыток создать новую национальную идентичность на месте исчезнувшей — советской. Был объявлен поиск новой «национальной идеи», была партия «Единство», позже «Единая Россия», было восстановление сталинского гимна, создание искусственных общественных и молодежных организаций. Но восстановить ощущение принадлежности к чему-то большому и общему государственным политическим технологам не удалось.

Результат оказался скорее обратным. Люди, пытавшиеся восстановить державное наследие СССР, оказались его могильщиками. Выступая осенью 2009 года на съезде Русского географического общества, премьер-министр Владимир Путин попросил не воспринимать термин «великая Россия» как дежурный. «Когда мы говорим “великая страна”, “великое государство”, то, конечно, масштаб имеет значение, — говорил Путин. — Если бы мы лучше все это понимали, если бы это не превратилось у нас в дежурную терминологию, то, может быть, мы бы бережнее относились к тому, что досталось нам по наследству от прежних поколений»*.

* Интернет-портал правительства Российской Федерации: <http://premier.gov.ru/events/news/8292/>

Действительно, может быть, и относились бы бережнее к нашему наследию, если бы понимали, зачем это надо. Но выходцы из силовых структур, земляки и друзья президента — позже премьера — Путина, получившие командные высоты в экономике и политике в нулевые годы, наверное, думали, что поддержание величия страны — это только разговоры, шум и работа с прессой. А это серьезное дело, о чем хорошо знали советские руководители. Советский Союз был экономически неэффективным государством, но к державности лидеры партии относились серьезно. Они прекрасно понимали, что им не угнаться за уровнем жизни, который обеспечивают своим гражданам открытые общества со сменяемыми правительствами, и потому стремились компенсировать скромность материальных достижений символическим капиталом. Общественный договор выглядел примерно так: «Каждый из вас в отдельности живет скромно, вы не очень значительны сами по себе, с жилплощадью у вас тяжело, продуктов не хватает, но все вы вместе — граждане великой страны. А уж о том, чтобы страна воспринималась как великая, мы здесь в ЦК КПСС позаботимся».

Этот общественный договор был продиктован и логикой выживания тоталитарного государства, в котором общее с огромным перевесом побеждало частное. Частный интерес, частная собственность, крайние проявления индивидуализма осуждались и высмеивались. Подпольных миллионеров выводили на чистую воду, судили, а бывало, и расстреливали. Директора магазинов и складов — поставщики частного благополучия — были могущественными людьми, ходившими по краю пропасти. Личное пространство было роскошью, личный успех воспринимался с подозрением. Либо частное, либо общее — приходилось выбирать. Благополучие граждан и величие государства советские лидеры трактовали как взаимоисключающие ценности.

Свои усилия они фокусировали на производстве общественных благ — и материальных и символических. Армия, флот, ядерное оружие, покорение космоса, тяжелая промышленность, здравоохранение, образование, наука, спорт, пути сообщения, общественный транспорт, включая подземные дворцы в метро, публичные пространства, центральные площади — все это были приоритеты советского государства. Каждый, кто готов был заключить эту сделку, получал свою долю в величии: гордое звание советского гражданина и сознание причастности к освоению космоса, к великой армии-победительнице, к спортивным победам, научным прорывам, архитектуре метро и ВДНХ, а также вполне осязаемые услуги здравоохранения и образования.

ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ

Элита постсоветского государства, особенно в последние 10 лет, привыкла смотреть на общественные блага только как на обузу или источник заработка. Общее перестало быть ценностью. Забота об общем благе — например, о безопасности, — оплаченная одними только налогами, по сути уже в прошлом. Все постсоветские годы вооруженные силы сокращались, сокращался ядерный потенциал, а «профессия — родину защищать» на глазах теряла остатки престижа. А вот профессии, связанные с защитой личных и частных интересов, становились и более привлекательными, и лучше оплачиваемыми. Безопасность стала частной — появились охранный бизнес и бизнес, в том числе теневой, связанный с торговлей оружием и военными услугами. В «силовом секторе» произошло расслоение на структуры, приспособившиеся к рыночным условиям, и неприспособившиеся. Кто именно приспособился, нетрудно видеть, глядя на статистику численности различных ведомств: армия сокращалась,

но росли службы безопасности — и частные, и государственные — росла численность сотрудников МВД и войск МЧС (бывшие войска гражданской обороны), так что в итоге по количеству силовиков на 100 000 жителей Россия отстает только от Белоруссии*.

Коммерциализация общего блага — процесс, который идет не только в России, но именно у нас, как и в некоторых других постсоветских странах, он пошел по теневому пути. Профессионалы «легального насилия» быстро сообразили, что очень выгодно сохранять прежние формы своих структур, а зарабатывать, продавая свои услуги в неформальном порядке. Открытая профессионализация — и в армии, и в МВД и прочих силовых структурах — означала бы выход бизнеса безопасности из тени. Но оборона от реформ у силовиков поставлена хорошо. МВД, сохраняя советскую структуру, настолько углубилось в теневой бизнес, что из ведомства, призванного обеспечивать безопасность, превратилось в источник опасности для общества. Объявленное сокращение численности МВД — попытка «количественного» подхода к решению задачи, которой нужно качественное решение.

Дело не только в безопасности. По всем тем направлениям, которые советское государство считало приоритетными, достижений у России в 1990-е и нулевые годы становилось все меньше**. То, что позиции сданы, особенно очевидно в фундаментальной науке. «Можно спорить, потеряла ли Россия за последние 20 лет 60% своего

* См.: А. Шербак, К. Титаев. Численность и финансирование правоохранительных органов: сравнительный статистический анализ постсоциалистических стран. Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения». — С-Пг: ИПП ЕУ СПб, 2010.

** См.: С. Гурьев, О. Цывинский. Ratio ecomotica: на обочине. // *Ведомости* № 45 (2563) от 16.03.2010.

научного потенциала или 90%, — вероятно, в каких-то областях 60%, а в каких-то 90%»*. По индексу цитируемости ученых *Thomson Reuters*, который учитывает их публикации в ведущих научных изданиях мира, Россия занимает 14-е место. Ценность российских ученых степеней девальвирована плагиатом, низким качеством и усилиями чиновников, желавших стать «докторами». При этом признание в России научной степени, полученной в Гарварде или Оксфорде, требует массы времени, множества документов, перевода диссертации на русский язык и представления всего этого в ту самую ВАК, которая штампует степени чиновникам-докторам.

Что еще у нас есть «общего»? Дороги, коммунальные сети, общественный транспорт. Дорожная сеть в России почти не развивалась. По данным официальной статистики, с 1995 по 2008 год протяженность автомобильных и железных дорог осталась практически неизменной**. Жилья строится меньше, чем в советское время, а подключение к газовым и энергосетям стало общенациональной проблемой. Школы, детские сады, транспорт в моногородах, бывшие когда-то частью промышленных комплексов, стали бременем для олигархических структур, скупивших советские производственные мощности. Отношение властей к общественным пространствам в больших городах поражает цинизмом: памятники, площади, дворы стали сферой извлечения прибыли для чиновников.

* Д. Дьяконов, А. Мирлин и др. Модернизация: организация науки. // *Ведомости* № 19 (2537) от 4.02.2010.

** С 1995 по 2008 г. протяженность авто- и железнодорожной сети почти не увеличилась, составив соответственно 750 000 и 755 000, 87 000 и 86 000 км. // *Россия в цифрах. Официальное издание. Федеральная служба государственной статистики*, 2009, табл. 18.9; цит. по: В. Иноземцев. *Modernizatsya.ru: Миллиарды в асфальте*. // *Ведомости* № 128 (2398) от 14.07.2009.

Общее стало источником извлечения коррупционного дохода. Государственные услуги, дорожное строительство, правоохранение, образование, здравоохранение — самые коррумпированные сферы нашей жизни. Исчезнувшее идеологическое и административное содержание советских институтов заместилось коррупционным механизмом. Все, что было источником державности для СССР, в постсоветские годы было «монетизировано» чиновниками. Так они понимают свое участие в общем деле. О величии страны теперь можно говорить только в сатирическом ключе. Величие — это именно то, чем нынешнее государство НЕ занимается. Если для советских лидеров благосостояние граждан и величие государства были взаимоисключающими ценностями, то для нынешних ценностью не является ни то, ни другое. Чиновники заняты своим благосостоянием, граждане — своим.

РАСПАД СССР ДЛИТСЯ ДО СИХ ПОР

Ирония истории в том, что изживать и уничтожать советское наследие выпало тем, кто больше всего шумел о его восстановлении. То, что прекратило существование в 1991-м, было лишь государственной единицей. Советская система — с ее городами, заводами, министерствами, театрами, институтами, спортивными командами — продолжала жить.

Это фундамент, на котором стоит страна и который состоит как минимум из трех групп факторов: физических, институциональных и социальных*.

Физическое наследие — это инфраструктура, заводы и города. В нашей стране более 400 городов с узкой экономической специализацией. В них живет более 20% насе-

* М. Трудолюбков. Фундамент России. // *Ведомости* № 245 (2515) от 25.12.2009.

ления России, находящиеся на их территории предприятия формируют более 40% российского ВВП*.

Институциональное наследие — это советские организации и традиции, переместившиеся из плановой в рыночную среду и претерпевшие на этом пути не осознанные реформы, а стихийные мутации. Правоохранительная сфера — один из примеров. Как и в случае с другими советскими институтами, исчезнувшее идеологическое и административное содержание заместилось коррупционным механизмом.

Социальное наследие — возможно, самая проблемная группа факторов. Три поколения советских людей прожили в условиях государственной монополии на коллективность. Теперь свои проблемы каждый решает индивидуально.

Именно в руках у пришедшей к власти силовой элиты материальная часть советского государства, его, так сказать, основные фонды, на глазах рассыпаются. Попытки разобраться с наследием предпринимаются, но крайне осторожные и малопродуманные: например, в декабре 2009 года правительством была принята программа поддержки моногородов, предполагающая многомиллиардные субсидии и кредиты. Убедительных проектов по выводу из кризиса бывших центров советской индустрии не поступило, и в сентябре 2010 года вице-премьер Алексей Кудрин сообщил, что правительство передумало тратить деньги на специальную программу поддержки моногородов**. Нужны, конечно, не только деньги, а глубокое понимание нынешнего положения в местах, подвергшихся ускоренной советской урбанизации. На основе такого

*Б. Столяров. Моногорода под угрозой. // *Ведомости* № 245 (2267) от 25.12.2008.

** Е. Письменная. Опять бросили. // *Ведомости* № 174 (2692) от 16.09.2010.

понимания можно, вероятно, спланировать системные усилия по реформированию советских институтов и формированию иных традиций. Но нескольких месяцев на это, конечно, не хватит.

Для сырьевой и финансовой элиты, подчинившей задачи управления государством задачам экспорта сырья и вывода прибыли за рубеж, величие страны в его советском понимании не представляет ровно никакой ценности. Патриотическая риторика в публичных выступлениях никого не должна обманывать — да и не обманывает. Сферы общественного для группы, утвердившейся у власти в 2000-е годы, не существует.

Сказанное только выглядит парадоксом — на самом деле это естественная реакция людей 50-х и 60-х годов рождения, составляющих в правящей группе большинство. СССР рухнул, когда они были уже активными и зрелыми, но все еще достаточно молодыми, чтобы освоиться в новой реальности. Компенсировать вынужденную утрату частного существования хотели все. Бывшие разведчики и полковники, находящиеся сейчас у власти, тоже хотели частной жизни. Бизнес, прежде всего сырьевой, и для них стал мостом в свободный мир. В Лондоне — центре притяжения для российского космополитического сообщества в нулевые годы — уже к 2006 году российские покупатели недвижимости обошли по суммам сделок покупателей из арабского мира, США и Европы*.

Рядовые граждане все последние 20 лет занимались тем же самым — своими карьерами, образованием, садовыми участками. Именно сегодняшние политические лидеры помогают обществу изжить старые комплексы советского величия.

* Mark Hollingsworth, Stewart Lansley. Londongrad. Harper Collins Publishers. — L., 2009.

И спасибо им за это. Со временем все большему числу граждан станет ясно, что их личное благосостояние и величие страны не должны исключать друг друга. Современное государство, которое когда-нибудь неизбежно придется строить на обломках советского, будет ставить благополучие граждан во главу угла. Но и общественным благом и сферой общего в широком смысле придется заниматься всерьез. Придется вспомнить и об армии, и о науке, и о спорте, и даже об общественных пространствах.

Ценность опыта последних 10 лет в том, что он дал всем нам понять: государство не может существовать, защищая одни только частные интересы элиты. Оно просто не может развиваться. Это справедливо как в общегосударственном, так и в индивидуальном масштабе.

ДОСКА ПОЧЕТА

В нулевые годы стало казаться, что люди, искренне увлеченные собственным делом и работающие при этом не только для себя, но и для других, — граждане из какого-то легендарного прошлого. Когда-то о них снимали фильмы и писали производственные романы, а в жизни они встречались редко. Я хорошо помню, как мне рассказывал дед, по специальности электрик, про свои маленькие изобретения на работе. Эти идеи назывались тогда неприятным словом «рацпредложения», и дед ими очень гордился. Деньги за них доплачивали небольшие, зато моральная компенсация была вполне подходящая. Грамота и фотография на Доске почета поддерживали чувство причастности к общему делу, а ему нравилось испытывать это чувство.

Когда я встречаю людей из других стран, которые искренне увлечены своим делом, особенно чем-то не очень практичным, например экологическими исследованиями или социальным предпринимательством, я вспоминаю о том же «советском» энтузиазме. Часто от

них можно услышать, что еще одно их «рацпредложение» принято, то есть проект начат, люди работают или уже поработали и уже есть результат. Материальная компенсация и здесь может быть небольшой, но есть моральная — признание, возможность видеть результат своего труда и испытать то самое чувство причастности к общему делу, которое люди очень ценят.

Важно, на чем концентрируются творческие люди: на том, чтобы придумывать новые схемы отъема собственности и вывода активов, или на том, чтобы создавать бизнес и (или) решать какие-то социальные задачи. И то и другое — инновации, и то и другое требует фантазии, ума и веры в возможность перемен.

Мир несправедлив, но с этим вполне можно смириться. Если заставить менеджера шить рукавицы, а швею — руководить фабрикой, то и рукавицы будут кривыми, и фабрика начнет приносить меньше прибыли. Прибыль для общества во втором случае будет гораздо меньше, чем в первом, поэтому неравенство (если оно не приобретает экстремальных масштабов) спокойно переносится обществом. Находясь на своих местах и преследуя свои пусть приземленные цели, люди приносят себе и окружающим больше пользы, чем занимаясь не своим делом.

Это еще от классических экономистов идущее утешение отчасти примиряет с несправедливостью жизни, но все-таки оставляет вопросы. Неужели чиновник, расставивший родственников на ключевые места в экспортном бизнесе, настолько продуктивен, что заслуживает своих астрономических доходов? Продуктивен ли милицейский чин, с прибылью в сотни процентов перепродающий конфискованный товар? Эффективен ли налоговый инспектор, заработавший в тысячу раз больше, чем мог бы, оставаясь честным налоговым инспектором? По-своему да.

Но важно понимать, что этот человек не просто лишает сограждан той части богатства, которую он украл. Он

уничтожает самый главный ресурс общества — человеческий капитал. Само знание, что упомянутая милицейская «продуктивность» возможна, уже губительно для экономики и общества. Зная, что паразитизм — самое прибыльное занятие, талантливые молодые люди будут стремиться именно к таким видам деятельности. Будучи умными людьми, они и стремятся. Но ничего похожего на чувство причастности к общему делу они испытывать не будут. Они будут думать, что это смешной пережиток прошлого.

СТРАНА ОБЩЕГО БЛАГА

Железные дороги можно считать символом управляемой политической системы и плановой экономики: движение только по рельсам, строго по расписанию, по ценам, определенным начальством. С дороги не свернешь, где хочешь не выйдешь. Но есть справедливость: вагоны одни и те же для всех. А автомобили — символ анархии и рынка: ни расписания, ни станций, ни границ. Езжай куда хочешь — была бы машина и топливо в баке. Справедливости здесь нет, ведь не каждый может купить машину, но есть свобода — нужно только на нее заработать. Дороги, правда, тоже необходимы, но для того, чтобы прочувствовать свободу, достаточно и проселка. Отсюда и особый престиж внедорожника — это достойный уровень независимости: ты почти не зависишь от опеки государства, построенные им дороги тебе не нужны.

Сравнение политических систем с транспортными предложил швейцарский писатель Фридрих Дюрренматт в одной из своих политических притч — «Автомобильные и железнодорожные нации»*. В памфлете две страны: в

* F. Dürrenmatt. Automobile and Railroad Nations. The University of Chicago Press Home
http://www.friedrichdurrenmatt.com/auto_and_railroad.html

стране справедливости все ездят только на поездах, в стране свободы — только на автомобилях. Поскольку справедливость в железнодорожной стране — главный принцип, то остановки власти устроили у каждого дома и каждого подъезда. Ходить пешком при этом запретили, поскольку одни ходят быстрее других, а это несправедливо. Из-за огромного количества остановок поезда и трамваи стали ходить так медленно, что люди были вынуждены добираться до пункта назначения, переходя из вагона в вагон или по крышам поездов. В конце концов страна остановилась. В стране автомобилей, где важнейшим принципом была свобода, главной бедой стали аварии, поскольку власти не признавали идею правил дорожного движения — ведь это ограничение свободы. А когда все накопили автомобилей, проблемой стали пробки. В конце концов и эта страна остановилась: люди поселились в своих автомобилях и стали разводить огороды вдоль дорог. Идея притчи проста: стране нужны и свобода, и справедливость. Одно не должно исключать другого.

Об этом я не раз вспоминал, стоя в московских пробках, и думал: все-таки мы свободная нация. Мы выбрали свободу и с нашими 200 частными автомобилями на 1000 граждан (в Москве — ближе к 300) движемся к стандартам других свободных наций. В Европе 600 авто на 1000 граждан в развитых странах и 400–500 — в странах победнее. В США — 800.

Но это, конечно, было наивное рассуждение. Стоило российской железнодорожной монополии начать запуск скоростных поездов (купленных у соседней железнодорожной нации), как выяснилось, что справедливость как принцип по-прежнему актуальна. Спрос на электрички огромен. А как только электричек становится меньше, граждане мгновенно достают из генетической памяти модели поведения эпохи послевоенной разрухи и штур-

муют вагонные крыши*. Им, например, не приходит в голову стребовать с РЖД справку за пропущенный рабочий день, отнести ее работодателю и потребовать компенсацию.

Провидец Дюрренматт и не предполагал, что придуманные им абсурдные ситуации могут воплотиться в действительности, да еще в одной и той же стране, где случается сразу коллапс и автомобильный, и железнодорожный. Сказать, к какой именно модели, свободной или справедливой, хотело бы двигаться российское общество, не представляется возможным, поскольку для полноценной свободы все-таки нужны не только машины, но и дороги, а для справедливости — электрички, которые ходят по расписанию. Да и не должны, конечно, автомобили и электрички исключать друг друга.

Советское государство видело свою миссию в построении справедливой страны и потому занималось общественными благами — занималось как могло. До гротескного образа страны, целиком опутанной путями сообщения, дело не дошло, но все-таки мы до сих пор ездим по дорогам, построенным в то время. После распада СССР дороги и общественный транспорт в России оказались не в моде — ведь это общее, а не частное. Автомобиль — самый демократичный способ самоутверждения в частной собственности и потому самый массовый. Частное самоутверждение важно и чиновникам, которые считают производство общественных благ тяжелой обузой. Деньги на что-то «общее» обычно вытрясают из олигархов — это их принудительная социальная ответственность, налог на

* В начале июля 2010 года из-за перебоев в движении пригородных поездов пассажирам приходилось штурмовать электрички. См.: И. Филиппов. В столице пассажиры штурмуют электрички. // *Vesti.Ru* от 07.07.2010
<http://www.vesti.ru/doc.html?cid=7&id=375251>

существование. А бюджеты не для того существуют, чтобы дороги строить. Отсюда и трудности развития общественного транспорта. Трудностей будет меньше, как только «общественное» перестанет значить «ничье».

СЧЕТ ИСТОРИИ

Признавая сегодняшнюю ценность всего того, что построено и создано в советские годы, нужно, конечно, помнить о непозволительной цене этого наследия. Советские руководители понимали издержки иначе, чем политики и экономисты в других странах. Там человеческий труд дорог, ресурсы ограничены, средства приходится занимать — именно поэтому на индустриальные прорывы у многих стран уходило десятилетия и даже сотни лет. Но Сталин был уверен, что раз и навсегда решил эту проблему. Он сумел перепрыгнуть эпоху, прокрутил историю вперед и добился создания в стране работающей промышленности. «Мы в кабалу к капиталистам не пошли и с успехом разрешили своими собственными силами проблему накопления, заложив основы тяжелой индустрии», — писал он в статье «Год великого перелома».

В предвоенные годы в стране было построено более 9000 предприятий. Но этот прорыв стоил дорого. Россия вывозила за границу миллионы тонн хлеба даже тогда, когда хлеба не хватало в самой стране. Лишенные стимулов, понимая, что не увидят результатов своего труда, крестьяне не убрали часть урожая: прорыв был оплачен голодом и разрушением деревни. Но это только часть цены.

Идеологи советского проекта не считались ни с человеческими жертвами, ни с ресурсами. Стройки, дороги, каналы начинались и не завершались, потому что ресурсы считались неисчерпаемыми. Средства и труд вкладывались в непродуманные проекты и буквально закапывались в землю. Достаточно напомнить, что длина незавер-

шенных железных дорог, в том числе первой очереди БАМа, где работало более 150 000 заключенных, превысила в 1938 году 5500 км. Всего за 1933–1939 годы было построено 4500 км. Памятником советскому отношению к ценности труда можно считать «мертвую дорогу» Чум — Салехард — Игарка. Это 1200 км железной дороги, которая никуда не ведет. Общие масштабы незавершенного и бесполезного строительства тех лет до сих пор не известны*. Командная экономика позволила России сконцентрировать ресурсы и сделать технологический скачок. Но для полноценного развития одного такого скачка мало. Перепрыгнуть историю в институциональном смысле, как выяснилось, не так легко, как в промышленном. Появление институтов, направляющих личные интересы в нужное для общества русло, русло работы на общее благо, — результат долгого взросления. Но Россия через такое взросление не прошла.

Теперь мы узнали цену деньгам и человеческому труду, но сдержек для жадности создано не было. Коррупция стала вполне рациональным поведением. Если советские чиновники не знали цену ресурсам, то сегодняшние знают ее слишком хорошо. Советская система заставляла государственных людей работать на общее благо принуждением и страхом. Принуждение и страх исчезли вместе с СССР, а выработать новые правила и сдержки, которые в рыночной среде мешали бы чиновнику работать на собственный карман, не удастся. Так что коррупция — естественное продолжение советского эксперимента. Великий перелом не был бесплатным — это был заем у будущих поколений. Этот счет, предъявленный нам теперь и в форме коррупции, мы оплачиваем до сих пор.

* См.: ГУЛАГ: экономика принудительного труда. Сборник: отв. ред. Л. Бородин, П. Грегори, О. Хлевнюк. — М.: РОССПЭН, 2008.

2. Без места

ДОЛЯ РОДИНЫ

Ни во что мы не вкладываем больше сил и денег, чем в свою страну. Каждый день ногами, руками, нервами, постройкой дома, посадкой дерева, освоением профессии, отправлением ребенка в школу инвестируем в один актив — в страну, где родились. Далеко не у многих есть возможность вложиться в «другую» страну, как в другую акцию.

Несмотря на то, что темпы глобализации в последние несколько десятков лет во всем мире ускорились, тех людей, которые действительно готовы менять одну страну на другую, не так уж много. С момента открытия границ и до сегодняшнего дня из России на постоянное место жительства в другие страны уехало от 1 до 1,5 млн людей — в основном в Германию, Израиль и США. Многие из них, наверное, мечтали уехать давно и сделали это при первой возможности. В количественном отношении эти потери были компенсированы и перекрыты притоком иммигрантов.

Снять с места посередине жизни и ехать в другую страну может заставить человека только очень серьезная необходимость. В Евросоюзе, где нет границ, за пределами своих стран постоянно живут только 3-5% граждан, и это довольно много. В мире в целом таких людей всего около 1%, включая беженцев и экономических мигрантов. Для массовой миграции нужны экстремальные эко-

номические или политические обстоятельства. Есть нации, чья зарубежная диаспора гораздо больше населения собственно титульной страны. Таковы, например, Армения и Ливан. Из стран Закавказья, из Молдавии, Таджикистана за постсоветские годы уехала значительная часть населения. Но это исключения. Как правило, мигранты — это проценты населения, не десятки.

Преуспевающий международный инвестор может, конечно, выбирать место жительства по мягкости климата и качеству услуг. Но все же для большинства простых людей родина — это такой важнейший актив, который выбирает тебя, а не ты его. Для человека это вложение всей жизни, предопределенное не им. Причем значительная часть его «пакета», как правило, — это инвестиции предков и его вложения в детей.

Так что забота гражданина о доле в собственной стране — это нечто особое, не похожее на беспокойство инвестора о его доле в компании или о портфеле ценных бумаг. Облигации можно продать и купить другие бумаги с большей доходностью или с большей надежностью — смотря по ситуации. С вложениями в родину все сложнее. То немногое, что можно продать, никогда не компенсирует всех нематериальных вложений, всей сложной системы связей, памяти о прошлом и прочих непереводимых в деньги ценностей.

Один из современных подходов к государственному управлению предполагает, что как менеджер частной фирмы призван заботиться о росте стоимости корпорации для акционеров, так госслужащий должен приумножать «общественную стоимость»*. Задача государства, собственно, в том и состоит, чтобы поощрять каждого к умножению ценности своей доли участия в стране. Делается это

* M. Moore. *Creating Public Value Strategic Management in Government*. — Harvard University Press, 1995.

средствами левой политики или правой политики — не так важно, важно, чтобы доля дорожала. Тогда гражданин и государство нужны друг другу. Неправильное государство, не помогающее росту «пакетов акций» своих граждан, создает ситуацию взаимной ненужности. В этой ненужности есть временные удобства для начальства (не достают, не сменяют), но в конце концов такая ситуация ведет к разложению и бунтам. Много людей, у которых нет доли, — плохая база для государства.

Умножение доли гражданина означает повышение уровня требовательности к менеджерам государства. Чем ценнее пакет, тем заинтересованнее человек в судьбе своей страны. Ему важно становится знать, куда она движется и как развивается. Тем важнее для него не бунтовать, а ходить на выборы; и менять страну изнутри, а не менять одну страну на другую.

ПОДАЛЬШЕ ОТСЮДА

Многие из нас, сознательно или нет, отказываются от доли участия в стране и иногда это принимает форму самую буквальную: люди уезжают, если могут уехать. Об отношении к стране многое можно понять из отношения к проблеме отъезда из нее. Сейчас, когда для многих профессионалов и инвесторов выбор страны — это своеобразный шопинг (условия работы, качество жизни, климат, школы, колледжи), нужно напомнить, что когда-то это был и моральный выбор. Особенно в России, где отъезд или неотъезд многими осознавались как моральное, а иногда и политическое решение — в силу особенностей истории. Несмотря на то что тема давно перестала быть такой напряженной, она жива — это чувствуется в дискуссиях об эмиграции и в поведении наших соотечественников.

Есть немало людей, которые теоретически хотели бы уехать: по одним данным, больше 10%, по другим — чуть

меньше 10%. Решаются уехать при этом гораздо меньше — десятки тысяч*. Но в их числе самые перспективные специалисты и ученые. Сейчас более 900 000 российских ученых и научных специалистов работают в США, 150 000 — в Израиле, 100 000 — в Канаде, 80 000 — в Германии, 35 000 — в Великобритании, около 3000 — в Японии**. Все остальные, наверное, говорят об отъезде для красного словца — не имеют «конвертируемых» профессий, не знают языков. Но даже простое наличие думающих об отъезде, по-моему, важно, поскольку оно создает общественный климат. Если в потенциально чемоданном настроении находятся миллионы людей, они ведь будут вести себя соответствующим образом: жить не для «здесь», а для «там».

В деловой среде в состоянии постоянной готовности к отъезду находятся очень многие, возможно — большинство. «Все боятся... 80–85% бизнесменов сидят на чемоданах», — сказал владелец корпорации Migax Group Сергей Полонский на одной из встреч генсовета ассоциации «Деловая Россия». Большинство крупных предпринимателей готовы продать свой бизнес, если им предложат хорошую цену. Деньги предпочитают хранить за границей и там же учить детей. Наследники крупных российских капиталов уже сейчас приобщены к западным ценностям***. Не этой ли мечтой о лучшей земле

* По данным Росстата, в 1997 году из России уехало почти 233 000 человек, а в 2009 — только 39 508. М. Трудолюбов. Патриотизм ни при чем. // *Ведомости* № 82 (2600) от 7.05.2010.

** О. Ускова. Брейн-хантеры. // *Ведомости* № 273 (2755) от 15.12.2010.

*** Таковы результаты исследований банка UBS и аналитической компании Campden Research, расспросивших 25 российских предпринимателей. См.: «Олигарх скромнен», *Ведомости* № 96 (2614) от 28.05.10.

объясняется готовность зарабатывать любой ценой, любой ценой вывозить семьи за границу, отправлять детей подальше куда-нибудь? А если нет возможности уехать далеко, то воплощением мечты о недостижимом «другом берегу» для многих становится дача, кусок своей земли, в борьбе за обустройство которого все средства хороши.

Мечта о другой стране или об обнесенном высокой стеной поселке или просто о домике за забором — это в действительности мечта о порядке, о действующих правилах, которые могут тебя защитить. Может быть, глубоко внутри сознания многие из нас работают на того потомка, который сможет наконец зажить счастливо на теплом берегу, в мягком климате, среди доброжелательных людей. Это и есть мечта, в существовании которой многие не отдают себе отчета. Социологи говорят, что из тех, кто сегодня думает об отъезде, 86% мечтают о «большой защищенности», 79% говорят о желании жить в условиях верховенства закона, прав и свобод*. Многие говорят о неопределенности, неуверенности в будущем. То есть сейчас потенциальные эмигранты хотели бы отправиться в лучшие земли за работающими институтами. А также за определенностью. Вспомним, что в 1917 году уезжали или не уезжали в силу политического выбора. В советское время уезжали или изгонялись за идею, а также по религиозным, национальным и прочим мотивам, мешавшим принимать советскую действительность. Позже, ближе к временам распада Советского Союза, ехали по экономическим причинам. Тогда появилось выражение «колбасная эмиграция».

* «Российский средний класс: его взгляд на свою страну и Европу», *Левада-центр*, исследование от 01.07.2008, <http://www.levada.ru/press/2008070101.html>

СОСТОЯНИЕ, КОТОРОЕ МЫ НАЗЫВАЕМ ИЗГНАНИЕМ

Социологи не всегда могут помочь в понимании вопроса. Крепко запавший в подкорку миф об отъезде как бегстве или об отъезде как миссии не выявишь опросами. Гораздо более надежный индикатор здесь поэзия. Анна Ахматова в 1922 г. задала высокую планку:

*Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.
Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной...*

Отсюда «внутренняя эмиграция», в которой Ахматову обвиняли советские начальники. Но те, кто уехал, тоже чувствовали себя носителями высокой миссии, а вовсе не заключенными и больными. «Мы не в изгнании, мы в послании», — эти слова приписываются Зинаиде Гиппиус, Дмитрию Мережковскому, Нине Берберовой, Владиславу Ходасевичу. «Следует признать, что Россия лежит в гробу и русская эмиграция ждет ее воскресения», — говорил Бунин в лекции с характерным названием «Миссия русской эмиграции». «Я унёс Россию» — так Роман Гуль назвал свои воспоминания о 60 годах жизни за пределами родины. Не может миф о «другой стране» просто исчезнуть из культуры. Если столько копий сломано и столько жизней положено, значит, было за что. Столько лет в среде бедствовавшей эмиграции первой волны жила идея «чаемой России» — не могла она просто раствориться*. В другом ключе — в ключе «культурного гло-

* Ф. Степун. Чаемая Россия. — СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999.

бализма» — об эмиграции говорил Бродский и пытался разделаться с мифом о романтическом бегстве из постылого края (см. его лекцию «Состояние, которое мы называем изгнанием, или Попутного ретро»). Но, по-моему, он этот миф только укрепил. Художественный текст, не влияя на сознание большинства напрямую, все-таки задает стандарты и правила мышления.

Финансисты, музыканты, ученые-естественники или инвесторы, возможно, не читали ни Ахматову, ни Бродского. Может быть, они читали Ричарда Флориду*, который разработал алгоритм выбора наилучшего города для жизни. Ученым нужно ехать в район Сан-Франциско, в область между Бостоном и Нью-Йорком или в научные центры Европы. Музыкантам нужны Лондон, Нью-Йорк, допустим, Нашвилл в США. Дизайнерам — Милан, Париж, Лондон и Токио. Предпринимателям в сфере высоких технологий — Кремниевая долина, район Сизтла, Бостон, Хельсинки. Но сколько в России таких настоящих космополитов, для которых границ не существует? Языки у нас по-прежнему учить не очень принято. Конкурентная среда многих пугает — и это притом, что воцарившийся в умах прагматизм вроде бы требует и знания языков, и приобретения конкурентных и «конвертируемых» профессий, таких, которые везде пригодятся. Может быть, поэтому даже в сегодняшней прагматичной до бесчувствия стране, совсем не похожей на «чаемую Россию» эмигрантских мечтателей, не водворяется окончательно космополитическое представление об отъезде как неэмоциональном действии.

Рациональность, конечно, есть, но это рациональность поиска тихой гавани, убежища, в котором нужно

* Richard Florida. Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life. — New York: Basic Books, 2008.

сделать запасы на черный день. Названный миф живет где-то глубоко, и поэтому тема отъезда или даже бегства так важна. Это не абстракция, а реальность: страх неизвестности крепко сидит в генетическом коде последних поколений. Слишком многое тут может случиться — лучше подстраховаться. Мы можем не отдавать себе в этом отчет, достигая определенного уровня развития, материального положения, садимся на чемоданы. В дело идут чиновничьи возможности, власть правоохранительных органов, ведение бизнеса — часто вынужденное, правдами и неправдами. Лихорадка накопления вызвана не только естественным стремлением к лучшей жизни, но и внутренней неуверенностью в будущем. Так что коррупция и готовность играть без правил, возможно, вызваны страхом. А дворцы в Европе, яхты, пентхаусы в Нью-Йорке, скромные дома в Болгарии и маленькие домики за заборами — это попытка защититься от неопределенности будущего. Поэтому хороший политик в России должен начинать с того, что укреплять чувство определенности, становиться предсказуемым, помогать гражданам не бояться будущего в своей стране, чему способствовало бы укрепление института собственности. Это был бы первый шаг к формированию у каждого доли участия в своей стране.

ТЕСНАЯ СТРАНА

Россия уже вошла в число стран со средним уровнем доходов на душу населения, но материальному благополучию, конечно, есть куда расти. Мы далеки от норм развитых стран по количеству жилых квадратных метров на человека, по числу автомашин на тысячу жителей, по торговой площади и по множеству других показателей.

Только рост этот не всем в радость. Когда уличная сеть Москвы создавалась, проектировщики исходили из

10 автомобилей на тысячу человек. В 80-е годы эта цифра увеличилась до 60, а парковки тогда даже не планировались. Что уж говорить о сегодняшних 300 авто! Для каждого жителя мегаполиса это означает, что рост доходов не перерастает в новое качество жизни. А люди, уже достигшие определенного уровня дохода, могут сказать, что качество жизни становится даже менее доступным. Ведь они рассчитывают на новый уровень жизни, с хорошими детскими садами, школами, клиниками, дорогами, гаражами а такие вещи — для избранных.

В советское время избранные назывались «номенклатурой». Люди, выдвинутые партией на ответственные должности, могли, согласно своему месту в государственной иерархии, получать продукты и вещи, которых не хватало на всех. Например, масло, мясные продукты, импортную обувь, а на автомобиль «Жигули» были разрядки по предприятиям. Теперь на всех не хватает «свободного места» и дорог. Конечно, есть люди, которые могут позвонить в мэрию и попросить «кинуть дорогу» к их коттеджному поселку. Но сегодня людей, обладающих такими возможностями, вряд ли намного больше, чем тех избранных, что были в номенклатурных списках в советское время. Скорее всего, их даже меньше.

Рост экономики и реальных доходов давно оставил позади устаревшую инфраструктуру, создававшуюся для другой экономики и других доходов. Коррупционная система управления тормозит развитие общества, она аморальна. Когда-нибудь в будущем дома и дороги будут построены, коррупции будет меньше. Но мы ведь живем в настоящем времени. После восьми лет непрерывного экономического роста становится ясно, что достижение определенного порога доходов не приносит удовлетворенности жизнью. Если некоторый достаток уже достигнут, на первый план выходит не потребление, а спрос на главный дефицит нашего времени — достойную жизнь.

Исходя из результатов опроса «Российский средний класс»*, проведенного Левада-центром для Центра ЕС-Россия, таким пороговым уровнем дохода является 1500 евро на члена семьи в Москве (1000 евро в Петербурге и 800 евро в других городах). Люди с такими доходами, с высшим образованием, в возрасте от 24 до 35 лет недовольны высоким уровнем преступности и агрессии в обществе, коррупцией, низким качеством медицинских услуг и готовы навсегда или на время (в сумме 48% опрошенных) уехать из страны. Это потому, что человеку нужен не столько достаток, сколько благополучие. А основа благополучия — чувство собственного достоинства, для которого, конечно, нужны деньги, но не только они. Важно, чтобы за эти деньги можно было получить высокий уровень безопасности, свободу передвижения (в том числе от дома до работы и из города в пригород), хорошую школу для детей и больницу для родителей, не унижающую человеческого достоинства.

На Западе вновь прибывшему иммигранту никто этих удобств не обеспечит. Те, кто отвечал на вопросы социологов, не могут этого не понимать и вряд ли всерьез думают покинуть страну. Просто люди чувствуют, как «вырастают» из страны.

УМНЫЕ ЛЮДИ В НЕУМНОЙ СТРАНЕ

Мы часто сталкиваемся с выражениями: «Россия планирует...», «У России есть возможность...», «России не следует забывать о том, что...». Если есть такое существо, страна, то может ли оно учиться?

* А. Левинсон. Наше «мы»: Задумавшиеся об отъезде. // *Ведомости* № 149 (2171) от 12.08.08.

Отдельный человек, несмотря на то что в этом часто возникают сомнения, учиться может. Как правило, обучение происходит на личном опыте. Философы и духовные писатели устали сокрушаться об этом, но это так. Мы все много читаем и замечаем чужие ошибки, но учимся чаще всего на собственных шишках. Для детей это вообще правило — запретами ничему не научишь («никогда не трогай утюг»), только создашь запретный плод. А вот сам ребенок, как только обожжется, больше трогать не будет. Человек вообще плохо воспринимает слова. На нас действуют образы или, еще эффективнее, — удары. Не только русский мужик начинает креститься исключительно после удара грома — это свойство человека вообще. Если бы мы могли учиться «из книг», то все были бы гениями и святыми, но учимся на своих ошибках, лично проходя через испытания. Испытания для того и посылаются.

Можно не сомневаться, что большинство россиян, пройдя через испытания последних 20 лет, этим опытом научены. Люди страховались как могли: кто-то жил натуральным хозяйством и запасал картошку, кто-то не брал кредитов, не доверял акциям, покупал швейцарские франки, недвижимость за границей. На индивидуальном уровне люди, живущие в России, особенно те, кто старше 30, мне кажется, готовы к любому кризису.

Даже те, кто от имени страны произносил шапкозакидательские, полные юношеского задора речи о том, что мы всех порвем, на личном уровне «не дураки». Даже те, кто на корпоративно-государственном уровне решал, что нужно набрать кредитов, чтобы выкупить «Юганск», на личном уровне наверняка таких рискованных шагов не делали и позаботились о страховке для себя лично. Теперь мы, как налогоплательщики, своими деньгами будем эти коллективные решения оплачивать.

На индивидуальном уровне мы умнее, чем на групповом и общественном. Умные, недоверчивые, продвину-

тые люди, живущие в большой неудобной для жизни стране, от которой можно ожидать чего угодно. А ведь у страны больше возможностей стать умной, чем у отдельной личности. У человека есть всего лишь 60–80 лет жизни, а страна живет сотни лет. Так уж случилось, что России свойственна вечная молодость: каждое поколение упирается в одни и те же проблемы. Мы растем, но страна не растет вместе с нами. Это именно потому так, что на индивидуальном уровне каждый решает, что вкладывать усилия и время в то, чтобы сделать страну умной, — задача безнадежная. Многие пытались, себя погубили, а успеха не добились. Социальная пассивность, как видно, вызвана не одной только апатией и ленью, но трезвым расчетом. Сравнивая масштаб человеческой жизни с масштабом жизни страны, мы понимаем, что разумнее сосредоточиться на себе. Здесь или в другой стране.

СТРАНА — КЛУБ, СТРАНА — КРЕПОСТЬ

Страны должны быть открытыми клубами. Право стать членом клуба, то есть получить паспорт, должен иметь любой, кто готов соблюдать правила клуба — законы. Конечно, в клубе следует говорить на общепринятом языке и не следует нарушать права других. При этом члены клуба (граждане) имеют право отказать в членстве лицам, не желающим соблюдать правила, а также исключать нарушителей.

Так считает Виллем Бейтер, главный экономист *Citibank**. Это ответ обозревателю *Financial Times* Мартину Вулфу, который убежден, что государство имеет право ограничивать приток иммигрантов, оцени-

* W. Buiter. Imagine There's no Country. // *Financial Times* of April 5, 2008, <http://blogs.ft.com/maverecon/2008/04/imagine-theres-no-country/>

вая экономические плюсы и минусы для существующего населения, а не только плюсы этого процесса для экономики в целом. Вулф стремится показать, что расхожие представления о пользе мигрантов для экономики слишком упрощают картину. Бейтер, почувствовав в этом привкус «Англии для англичан», решил ответить не как экономист, а как правозащитник. Он уверен, что ни факт рождения в стране, ни долгое в ней проживание не дают гражданам права запира́ть входные ворота. Выражение «Мой дом — моя крепость» верно в отношении семейного жилища. В собственный дом могу не пускать кого угодно, а страна — другое дело.

Вопрос, наверное, не в жестком выборе между статусом клуба или крепости, а в степени клубности, которую государства считают для себя полезной. «Членский билет» во многие страны вполне можно купить, как клубную карту. Монако, Виргинские острова, Доминика и множество других юрисдикций с благоприятным климатом уже являются по сути клубами. Но и большие страны-крепости всегда будут для кого-то клубами, оставаясь для большинства обычных граждан крепостями. Прежде всего для тех, кто зависит от социальной системы государства, для тех, чьи профессии не конвертируются при переезде за границу, и для тех, кто просто привык жить в своей стране и не собирается никуда ехать. А таких большинство.

Британия, о которой спорят Вулф и Бейтер, — это клуб для финансистов и представителей бизнеса со всего мира, в том числе из России, но для большинства местных — обычная страна.

В ту небольшую часть населения планеты, которая живет за пределами своих стран, входят и самые богатые, и самые образованные. Это привилегированные представители сообщества, для которых государственные границы несущественны, — в частности, бизнес и академиче-

ская наука. Это те немногие, для которых мир, по выражению обозревателя *New York Times* Томаса Фридмана, плоский. Для остальных он по-прежнему круглый, а стены между странами высоки, несмотря на то что тоталитарных государств, считавших себя крепостями, практически не осталось. Одни государства в дополнение к экономическим стенам готовы строить физические — как США — на своих южных границах. Другие создают образ врага — как в России. Враждебные речи по отношению к Западу, привычное разделение мира на «наш» и «их» — это то же самое, что строительство стен, инструмент контроля. Российской элите, которая прочно утвердилась в мире XXI века, для которой собственная страна давно стала клубом, важно, чтобы остальные граждане продолжали жить в условиях холодной войны.

3. Без времени

ВЫБОР, КОТОРОГО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

Недавно я услышал от знакомого: «У нас нет стариков. Их не видно и не слышно». Действительно, не часто встретишь у нас компанию бодрых 70-летних пенсионеров с фотоаппаратами, отправляющихся снимать цветные сакуры. Не видно ухоженных бабушек, выезжающих в обзорную поездку по европейским средневековым замкам. На телевидении и в кино правят молодость, иногда — зрелость. Фигура опытного мудрого старика, пожалуй, редкость. Пожилой ученый, который мог бы все объяснить, учитель школы, воспитавший несколько поколений учеников, духовный авторитет, к которому хотелось бы прислушаться, — есть ли такие? Считается, что им нечего сказать. Только молодые и люди средних лет умеют зарабатывать деньги, а старые жили при социализме, и поэтому, наверное, слушать их неинтересно. Средняя продолжительность жизни мужчин — чуть больше 61 года, женщин — 73. И все-таки людей старше 60 у нас больше 20% населения.

Это не так мало. Правительство повышает пенсии, средний доход неработающих пенсионеров растет. После запланированного на 2011 год повышения пенсионных отчислений с 20% до 26% от фонда оплаты труда по уровню «пенсионного бремени» не только на бизнес мы обгоним США, Францию, Швейцарию, Японию, Канаду. И так, российских пожилых людей, может быть, и не встретишь в ресторанах, но государст-

во стремится о них не забывать. Почему это так — понятно: наши пожилые люди исправно ходят на выборы и коммунистические демонстрации. Недавно все они обнаружили в своих почтовых ящиках огромные для них счета за коммунальные услуги. Это решено компенсировать, чтобы люди старше 60 правильно проголосовали. Голос безгласных стариков, как выясняется, очень важен. Высказываются они редко, но весомо.

Молодым, активным и тем, кто еще учится в школе и ходит в детские сады (если удалось найти место), со временем будет все труднее. Им достанутся мины замедленного действия, закладываемые сегодня. Отчисления на пенсии растут, причем бьют они по самым трудоемким отраслям «новой экономики». В балансах сырьевых компаний расходы на зарплаты минимальны, а там, где люди работают головой, зарплаты — это главное. Госрасходы растут за счет нефти или займов. Не забудем, что цены на нефть сейчас высоки, но какими они будут через год, через 15 и 30 лет, мы знать не можем. А это значит, что бюджет и работающие на него молодые люди попадают во все большую зависимость от сырья и внешних кредиторов. По расчетам Всемирного банка, дальнейшее наращивание расходов бюджета за счет нефтегазовых доходов (за восемь лет их доля в консолидированном бюджете утроилась, достигнув 30%) может привести к тому, что через 30 лет чистый долг правительства (все финансовые пассивы за вычетом всех финансовых активов центрального правительства) достигнет 80% ВВП.

Будущие поколения наказывают не только рублем. Давление на бизнес, коррупция и инвестиционный климат, определяемый милиционерами и рейдерами, не помогают бизнесу расти. А это плохой сигнал для будущего. Люди, которые могли бы сейчас идти в бизнес, идут на госслужбу. Это означает, что значительная часть молодых людей не будет иметь опыта самостоятельного

принятия решений в конкурентной среде, не примет участия в создании товаров и услуг. Это и плохой моральный климат. Сегодняшний хозяин жизни — рейдер и «патриот» — передаст своим детям мудрость: заработать можно, только отобрав у кого-то бизнес и тем самым обеспечив себе доход на старость (за границей).

Не обращая внимания на экологию сегодня, мы оставляем молодым огромные проблемы, которые сейчас трудно оценить. Сегодняшние выгоды от запуска ЦБК на Байкале, если они вообще есть, обернутся расходами и недополученными доходами от туризма и сопутствующего бизнеса в будущем. Не реформируя сегодня науку, мы отнимаем у будущих поколений научные карьеры. Проект «города инноваций» под Москвой — это не реформа науки, перспективы этого предприятия неясны, а расходы — в этом нет сомнений — будут огромными. То, как застраиваются большие города сейчас, тоже сопряжено с серьезными последствиями на ближайшие 30, 50 лет с точки зрения городского планирования и надежности строящихся зданий. Застроенные спортивные площадки, непостроенные дороги и школы — это все счет, который придется оплачивать десятилетиями.

Конечно, повышение пенсий — необходимость. Но оно должно сопровождаться поощрением пенсионных накоплений — так, чтобы в будущем пенсии могли быть достойными, а пенсионная система приобрела бы устойчивость. Отсутствие реформ науки, пенсионной системы, армии, госуправления — это займы у будущего. Политика займов у будущих поколений — старая песня. Сейчас мы платим за моногорода, за устаревшие заводы, за испорченный воздух и воду. А нынешние политики уже всю занимают у тех, кто еще не начал работать. Многие из них могут и не захотеть справляться. Зачем оставаться в стране, которая видимым образом ничего, кроме проблем, для будущих поколений не готовит?

Голос пожилых, как уже говорилось, слышен очень редко и плохо. Их не принято приглашать в качестве экспертов и гостей на популярные передачи. Если бы у них спросили, они могли бы объяснить, что их нынешнее состояние нетерпимо, что они с трудом выживают, но что нынешнее отсутствие реформ создает проблемы для будущего, а они этого не хотят. Ставя себе краткосрочную цель сохранить власть в руках правящей группы, государство залезает в карман не только к нам, но и к нашим детям. Выбор между прошлым и будущим вообще дурной выбор. Должно быть и настоящее, и будущее.

ЖИЗНЬ РАДИ БУДУЩЕГО

Практически все живущие сейчас в странах бывшего СССР — жертвы насилия со стороны тех, для кого главное — цель, а не средства. Это не просто теоретическое обобщение. Вспомним, что такое коммунизм в исполнении российских последователей этой утопической идеи. По сути, это радикальное противопоставление настоящего и будущего. В будущем — новая промышленность, новое общество, новый человек, новая семья и новый быт. Но в настоящем нужно ради этого затянуть пояс. Тяжелый труд сегодня, вознаграждение — завтра. «Жизнь ради будущего» — очень распространенное понятие в воспоминаниях тех лет. Вот характерная цитата: «Здесь в этих старых стенах лишь подготовка к жизни, а сама жизнь начнется в новом сверкающем белом доме; там я буду по утрам делать зарядку, там будет порядок... жили начерно, временно, наспех. Скорее, скорее к великой цели» (Раиса Орлова. Воспоминания о непрошедшем времени).

Настоящий советский художник, как было объявлено на Первом съезде советских писателей, должен был изображать мир не таким, какой он есть в настоящем, а

таким, каким он должен стать. Да что там книги — существовали карты, изображавшие улицы и площади, которые еще не были проложены. Существовала реальность газеты «Правда» и — рядом с ней — стыдливая правда без кавычек, состоявшая из «пережитков прошлого». Так легче было оправдать борьбу с этими «пережитками», а ведь пережитки были не только домами и вещами, но и живыми людьми. Перенос идеала в будущее, отказ от повседневности вполне способны превратить настоящее в тяжелый кошмар.

Когда иллюзия в поздние советские годы растворилась, лихорадочный бег к будущему прекратился. Но возобновился в новом качестве в конце 80-х, когда в сознании общества возникла новая идея будущего. Она опять была размытой — почти никто в стране не видел Америки, подолгу не жил и не работал в действующей рыночной экономике. Даже сами реформаторы плохо представляли себе, как работает рынок. Еще хуже они понимали, как принимать решения и добиваться их исполнения в условиях конкуренции идей. Кончилось тем, что устранили конкуренцию.

В последние годы живущие в России отвоевали свою повседневность и свое настоящее. Но гипноз волшебного «завтра» до сих пор действует, по крайней мере в политической сфере. Надежда — чувство, которое чаще всего вызывает у россиян президент. В безальтернативной ситуации рейтинг президента не зависит от того, что он делает в настоящем. Это рейтинг надежды, массовых ожиданий и иллюзий.

Весь опыт истории России должен был бы нас подготовить к тому, чтобы крайне осторожно относиться к любым размытым планам на будущее, которые «продают» власти, а граждане «покупают», соглашаясь жить «временно и наспех». Это очень старая ловушка, в которую давно пора уже перестать попадать.

Но это настолько трудно, что перемена места кажется многим более реалистичным способом решить проблему. А нужно всего лишь перестать покупать утопию.

ГОСУДАРСТВО КАК ПОГОДА

Историкам, собравшимся со всего мира в Москву в конце 2008 года на конференцию «История сталинизма» (это была первая международная конференция такого уровня, проведенная после того, как появился сам предмет изучения*), конечно, было что обсудить. История советского периода — очень перспективная для специалистов область. Но неспециалисту от наивных вопросов все равно никуда не деться. Как они (наши прабабушки, прадеды, бабушки, деды) тогда жили? Что это все значило для них? Мы бросаемся в крайности: одним нравится думать, что все поголовно были «за», а значит, и темы для обсуждения вроде бы нет. Другие уверены, что не могли все быть «за». Не такие мы люди, чтобы нас так долго можно было держать за бессловесное стадо, а значит, общество было против власти, люди сопротивлялись как могли, но были сломлены.

Несправедливо, наверное, ни то ни другое. Люди были разные. Многие были убиты за то, что спорили с большевиками и могли превратиться в серьезную оппозицию. Еще больше людей погибло до того, как вообще успели задуматься о политике. А еще больше просто жили и приспособливались.

Любому обществу свойственно сопротивляться давлению, но это может быть активное сопротивление, на

* См.: Пресс-конференция «История сталинизма: итоги и проблемы изучения». Российское агентство международной информации «РИА Новости», 05.12.2008.

которое готовы немногие, а может быть неполитическая «сопротивляемость». Этот термин предложила в докладе на конференции историк Елена Осокина, автор книги «За фасадом "сталинского изобилия"»* и новой книги «Торгсин. Золото для индустриализации», изданной в 2009 году. Черный рынок, блат, воровство на рабочем месте, умение пользоваться положением — все это в известном смысле вредит системе, подтачивает ее, но это и не борьба с ней. Это из области социальной антропологии, а не политической истории: проявление приспособляемости, социального иммунитета, который борется не с системой, а с ее болезнями. Блат и знакомства помогали не только лично обогащаться, но и делать общее дело — налаживать производство и строить дома.

Борьба — не первое, что приходит нам в голову, когда мы оказываемся в тяжелых обстоятельствах. Инстинкт подсказывает, что сначала надо попытаться приспособиться, выжить и по возможности получить выгоду. Множество успехов советского времени достигалось вот так — вопреки, а не благодаря системе. И речь не только о подпольных миллионерах, но и об орденоносных директорах, инженерах и конструкторах, которые ничего не добились бы, если бы не умели «крутиться». «Крутились» почти все, а боролись единицы — подвижники-диссиденты.

Контрактные отношения с государством у общества не складывались, а значит, и неоткуда было взяться массовому критическому отношению к власти (не негативному, а вообще критическому). Могло оно появиться только в среде, где критическое обсуждение власти возможно, то есть в интеллигентской. Но те, кто

* Е. Осокина. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. — М.: РОССПЭН, 1999.

пострадал от власти, в большинстве не были интеллигентами. Во многих интервью с жертвами репрессий так или иначе звучит недоумение: «А что власть? Какая была, такая и была. Другой не было». Это не слепая покорность, а отношение общества к государству как к погоде: метеоусловия тяжелые, но приспособиться можно.

УГАДАТЬ БУДУЩЕЕ

Беспокоиться о будущем естественно, хотя и бесполезно. Естественно — потому что человек привык беспокоиться, особенно о том, на что он не может повлиять. Бесполезно — потому что будущее непредсказуемо. В жизни постоянно случаются вещи, которых никогда не случалось раньше, а значит, их просто нельзя было предсказать. В особенности это касается будущего такой большой системы, как целая страна.

Известны забавные ошибки в гаданиях о будущем даже тех людей, которые вроде бы должны были знать лучше. В январе 1917 г., выступая на собрании в Цюрихе, Ленин отмечал с грустью, что революции в течение его жизни скорее всего не случится: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». Когда она случилась, мало кто мог себе представить, что скоро к власти придет группа малоизвестных радикальных политиков и страна более чем на 70 лет станет большевистской и советской в том виде, в каком мы ее знаем из истории и собственного опыта. В конце 80-х казалось, что если и будут перемены, то постепенные, демократические, в сторону раскручивания гаек и чего-то такого с «человеческим лицом». Но вышло другое.

Сейчас очень хочется понять, что будет со страной через год, и через два, и через пять. На помощь услужли-

во приходят образы советского прошлого, от которых не отмахнуться. Телевизионная картинка напоминает о съездах компартии, разворачивается эпопея с покорением Арктики, устраивается разнос деятелям искусства (министр культуры обиделся на современное искусство просто в стиле Хрущева), идут споры о создании единого контрольного органа (Рабкрин), экономисты опасаются, что чрезмерные усилия регуляторов приведут к фиксации цен и воссозданию Госплана. Сравнения с советским прошлым так легко приходят на ум, что уже кажется: гадай не гадай, мы идем назад. Но это может быть упрощением.

Отчасти это проблема языка. Когда жизнь становится лучше, когда просыпается гордость за страну, оказывается, что для выражения удовлетворения советские жесты прямо напрашиваются. «Сейчас мы наблюдаем именно символику триумфаторского тона, но у нас просто другого выражения триумфа, кроме советского, нет», — считает социолог Борис Дубин. Но помимо проблемы отсутствия у многих несветского языка есть еще та самая непредсказуемость. Нужно трезво отдавать себе отчет в том, что мы не можем представить будущее именно потому, что опираемся на образы прошлого. И вообще на образы. Что это будет — «Русская Америка», «православный Иран»?

России свойственна неопределенность высокого уровня (и она усиливается из-за замкнутости системы). За последние 100 лет со страной случались такие перемены, которых большинство не ожидало. Думаю, что если строить догадки о будущем, то лучше держаться наиболее экстремальных вариантов. С другой стороны, это тоже экстраполяция, поскольку если всегда получалось нескучно, то это не значит, что и на этот раз будет нескучно. Очень хочется, чтобы этот порочный круг закончился.

ВЕРНУТЬ БУДУЩЕЕ

Говоря о своих успехах, российские политики, включая президента Д.А. Медведева, постоянно возвращаются к сохранению социальной стабильности как главному признаку их успешной работы. Государство исполняло свои обязательства — и народ не шумел. Может быть, это и правда хороший результат в наших условиях. Но в логике, заданной самим президентом, результаты должны были бы выглядеть иначе.

Президент говорит о будущем хорошо и заразительно. В картине, нарисованной им, Россия должна стать страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами. Это, конечно, лозунг. Но Медведев в своих футурологических выступлениях задал совершенно верный для политика ориентир — на будущее, на развитие. Только он не стал на него опираться, говоря об итогах прошедшего года, и вернулся к логике выживания. Ведь если главной своей удачей политик называет сохранение стабильности, это значит, что он действует в логике выживания, а не развития.

Борьба за выживание — это задача, возникающая в экстремальных условиях. Острый дефицит ресурсов, нехватка продовольствия — вот в таких условиях мы говорим о выживании. Ничего подобного пока не происходит. Даже после кризисного года Россия — богатая страна. Да, это богатая страна, населенная бедными людьми; страна, хронически не реализующая свой огромный потенциал. Но нефти, газа, руды и хлеба здесь вполне достаточно. Финансовый резерв истощается, но он все еще есть, что ставит Россию в особое положение на фоне множества государств, бюджеты которых после кризиса находятся в ужасающем состоянии, природные ресурсы у нас осваиваются, трубопроводы строятся.

Вопрос только, как и в чьих интересах все это используется и почему мы до сих пор заняты выживанием, а не развитием*.

Охрана стабильности, выдвигавшаяся на первый план даже в самые тучные годы, — это уловка, позволяющая избежать неприятного разговора о том, почему Россия не развивается. Год от года начальство с гордостью сообщает, что стабильность сохранена. Иными словами: слава богу, выжили! И это страна, экспортирующая нефти на \$100 млрд и газа на \$45–50 млрд в год. Но в силу неэффективности системы и прямого воровства средства оседают в частных карманах, капитал переводится за границу, и становится очевидно, что самые преуспевающие и высокопоставленные люди в стране не верят в ее будущее. Поэтому разговор о развитии в России нужно начинать с возвращения веры в будущее. Умных здесь много, но их еще нужно убедить в том, что их доля участия хоть чего-то стоит, что Россия — страна реформируемая, а значит, сюда можно возвращаться, вкладывать деньги и усилия.

* См. по этому поводу: Л. Гудков. Опыт выживания. // *Ведомости* № 247 (2517) от 28.12.2009.

4. Ценности и интересы

ПОЧЕМУ В РОССИИ ТРУДНО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Кондиционеры в пять раз дороже, вентиляторы — в три, защитные маски в метро — в 10 раз дороже прежней цены, появление шлагбаумов и «входной платы» на озера и реки, продажа мест в пансионатах втроедорога — все это примеры вполне понятной предприимчивости и желания не упустить прибыли во время знаменитой жары 2010 года. Кто сказал, что россиянам не достает деловой смекалки?

Со смекалкой все хорошо. Не хватает чего-то другого, того, что уравнивает первобытную жадность. Например, конкуренции со стороны предпринимателей, умеющих держать себя в руках, думающих больше, чем на неделю вперед. Или наказаний государства за монопольное завышение цен. Или добровольческой активности граждан и благотворительности нежадных бизнесменов.

Не знаю, что могут сделать антимонопольное ведомство или другие силы. Мне, например, спокойнее, когда окружающие люди, вся среда вокруг поощряет меня к тому, чтобы быть человеком.

Почему мне, а может быть, не только мне, трудно быть в полной мере человеком в нашем обществе? Сама по себе жадность конкретных людей, которая естественна, как любой инстинкт, не может мешать развитию гуманного общества. В конце концов, жадность сыграла важнейшую роль в эволюции человека — без нее человек не выжил бы в условиях борьбы за еду, которой всегда не хватало на всех. О гуманизации общества свидетельствуют механиз-

мы сдерживания инстинктов, вырабатываемые собранием людей, у которых есть не только их индивидуальные потребности, но и общие цели. Личные потребности в воздухе, питье, еде и материальном благополучии вполне могут уравниваться общей целью — поддержанием гуманного отношения друг к другу, особенно к слабым, юным и старшим. Инстинкты — свойства отдельного существа, законы и правила — результат деятельности общества. Жадность нужна для выживания отдельного существа, щедрость — для выживания общества.

Кто-то всегда делает первый человеческий шаг, и таких людей много. Но не они сейчас определяют климат, всю деловую и бытовую культуру последних лет, скроенную под себя теми первобытными людьми, которые называют себя «политическим классом».

Эта культура наказывает проявления человечности и даже простой человеческой инициативы. Это культура, в которой бизнесмен знает — нужно не высовываться, нужно прятать деньги, пока не позвонили от губернатора и не отняли на «социальную ответственность». Здесь маленький региональный вождь повторяет слова из телевизора про добровольцев, сам боится их как огня и зачищает пространство, готовясь к приезду вождя постарше. Эта культура стимулирует безразличие и жадность в тех, кто не хотел бы быть безразличным и жадным, и помогает зарабатывать тем, кто не способен ограничивать свои инстинкты.

Сторонники этой культуры — антикультуры — поощряют дегуманизацию общества, возвращение к состоянию первобытного «до-общества». Чем дольше будет продолжаться господство антикультуры, тем глубже мы деградируем как общество (что не отменяет индивидуальных успехов). Успокаивает то, что есть много людей морально и интеллектуально более зрелых, чем те, которые составляют «политический класс», а значит, политика деградации не вечна.

РАБОТАТЬ И ЗАРАБАТЫВАТЬ

Умение работать и зарабатывать — пожалуй, главное достижение постсоветского времени. Это новое для бывшего советского человека качество — ответственность за собственное материальное благополучие. На смену уравнилельной системе, дававшей минимальные шансы отличиться, пришли новые возможности и незнакомое прежде социальное расслоение. Ответ на вызов оказался в целом достойным.

Тут видны два процесса. Первый, начавшийся еще в 1990-е годы, — это быстрое осознание, что работа — это серьезно. Ради нее нужно жертвовать отдыхом и личным комфортом. По данным исследования Владимира Магуна «Динамика трудовых ценностей экономически активного населения»*, значимость высокого заработка в течение всех постсоветских лет росла, а значимость большого отпуска и соответствия работы способностям — снижалась. Но снижалась до 2004 года. В следующие три года ценить себя стали больше: заработок остается первым и главным критерием хорошей работы, но при этом все больше людей хотят и продолжительного отпуска, и удобного графика, и соответствия работы способностям. Этот последний признак особенно вырос в цене: в 2004-м он был значим для 34% граждан, а теперь — для 44%. То есть больше стало тех, кто не хотел бы переквалифицироваться и слишком напрягаться — пусть работа соответствует мне, а не я ей.

По отношению к отпуску и удобству рабочего графика россияне движутся в европейском русле: в последние

* В. Магун. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991–2004 гг. // *Российский журнал менеджмента*, 2006. Т. 4. № 4.

15–20 лет все больше европейцев выбирали комфортную для себя неполную занятость. Но есть разница в отношении к делу — в странах «семерки» инициатива и ответственность стоят высоко в списке приоритетов. О том, что им нужна ответственная работа, там говорят около 50%, у нас — 20%. По производительности труда мы отстаем от развитого мира в три-четыре раза. Россия сейчас — по темпу роста, по подушевому ВВП, даже по уровню образования и уровню «чеболизации» экономики — примерно как Южная Корея в начале 90-х годов. «За 2000–2010 гг. Россия перешла в качественно иное измерение: из категории стран относительно бедных, с низкими доходами, где средний класс является ничтожно тонкой прослойкой, превратилась в страну, близкую к развитым. Примерно такую, какой была Южная Корея лет 10 назад», — говорит Михаил Дмитриев, президент фонда «Центр стратегических разработок»*.

Но посмотрите, как работают корейцы. Если считать главным показателем трудолюбия готовность много работать и мало отдыхать, то самыми трудолюбивыми с большим отрывом окажутся корейцы. Они работают почти 2400 часов в год и не всегда отгуливают положенные по закону 10 дней отпуска. Среднеевропейский показатель — чуть более 1600 часов. Американцы традиционно работают больше — около 1700 часов в год. Средний россиянин работает 1761 час в году. Впрочем, российские показатели рабочего времени могут быть неточными: они не учитывают данных предприятий малого бизнеса, где рабочий день длиннее, а также бюджетную сферу и госпредприятия, где день часто короче (а в этих сферах работает 32% занятых в экономике).

* М. Дмитриев. Россия — как Южная Корея 10 лет назад. // *Ведомости* № 95 (2613) от 27.05.2010.

ВЛАСТЬ — БОГАТСТВО

Самый яркий ответ на вопрос о том, ради чего зарабатывать и на кого ориентироваться, дает российский парламент — настоящая витрина материального и государственного успеха. Благодаря новым правилам, требующим от депутатов Госдумы раскрытия данных о доходах и имуществе, об их успехах известно теперь больше, чем раньше. Больше, но не все — несоответствий между декларируемым доходом и расходами множество. Но санкций за сокрытие информации нет, так что депутаты рассказывают о себе ровно столько, сколько хотят.

Россия — мировой лидер по богатству людей, имеющих отношение к государственной власти, заключают журналисты *Forbes*, разглядывая составленный журналом список самых богатых людей мира и список российских депутатов*. При взгляде со стороны корреляция между статусом депутата и богатства бросается в глаза и вызывает недоумение: почему российское общество спокойно терпит то, что в западном обществе вызвало бы скандал.

Но российское общество принимает это положение как вполне естественное. Власть и богатство — это то, к чему стремится среднестатистический россиянин. Богатые депутаты, как и губернаторы, — такие же символы успеха в современной России, какими были стахановцы, полярники и космонавты в России советской. Два этих понятия нераздельны, и потому вполне правильно было бы использовать их как одно: «власть — богатство».

Не так давно Россия стала участником «Европейского социального исследования», что впервые позволило

* Н Brown. Russia: The World's Richest Government. // *Forbes* from 04.01.2008, http://www.forbes.com/2008/03/28/russia-billionaires-duma-biz-cz_hb_0401russiapols.html

социологам сравнивать ценности сегодняшних россиян с ценностями жителей Европы. Владимир Магун и Максим Руднев в статье «Жизненные ценности российского населения», вышедшей в № 1 за 2008 год «Вестника общественного мнения»*, демонстрируют, что по восприятию людьми значения индекса «власть — богатство» Россия вместе с Румынией опережает 17 других европейских стран. Респонденты по всей Европе опрашивались по одной и той же методике. Им предлагались описания условных людей, и каждый из портретов респондент должен был оценить по шестибальной шкале: от «очень похож на меня» (6 баллов) до «совсем не похож на меня» (1 балл). Суммарный портрет выглядел так: «Он хочет, чтобы у него было много денег и дорогих вещей. Для него важно, чтобы его уважали. Он хочет, чтобы люди делали так, как он скажет».

Еще одна близкая россиянам ценность — «достижение успеха». По этому показателю Россия опережает 14 европейских стран. Социологи объединяют ценности власти — богатства и достижения успеха в категорию «самоутверждение» и противопоставляют ей категорию «выход за пределы своего Я». В последнюю входят забота о благополучии других, верность друзьям, готовность помогать («благожелательность») и уважение к мнению других, забота об окружающей среде («универсализм»). Если по самоутверждению русские лидируют в Европе, то в части выхода за пределы Я, наоборот, отстают.

В общем, нет давно ни крестьянской общины, ни советского коллективизма. Общество теперь ценит

* В. Магун, М. Руднев. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами», *Вестник общественного мнения*, № 1 (93) январь — февраль 2008.

защиту личного интереса и готовность к конкуренции, но не внимание к ближним. Не очень красиво, но, наверное, полезно для экономики.

Непонятно тогда, почему среди нас так мало предпринимателей: доля наемных работников среди россиян (95%) самая высокая в Европе. На самом деле понятно: вернемся к тому самому списку депутатов. В массовом восприятии путь к успеху, то есть к богатству, достигается через вхождение в государственные структуры. И не важно, что в действительности для многих из нынешних парламентариев, как и чиновников, деньги были сначала, а должности — потом. Кто сейчас будет разбираться? Сегодняшний молодой человек хотел бы попасть на госслужбу и стать богатым*.

ЗАПАДНЕЕ ЗАПАДА

Российские молодые люди настроены западнее своих западных сверстников, если под качествами, характерными для западных обществ, понимать стремление к личным достижениям и высокооплачиваемой работе.

В работе россияне гораздо больше жителей западных стран ценят высокую зарплату (85% опрошенных; в опросе участвовали люди в возрасте от 16 до 29 лет в 17 странах мира), а деньги считают важнейшим атрибутом хорошей жизни (финны и датчане, например, так не думают). Работать за копейки россияне не будут: «Делать свою работу хорошо, независимо от зарплаты» россияне готовы меньше всех остальных (22%). Больше всех опрошенных работать за «хорошие деньги» готовы итальянцы

* «Работодатель мечты» для молодежи. // База данных фонда «Общественное мнение» от 01.10.2009.
<http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/d093914>

(56%) и американцы (58%). Все это результаты международного исследования «Европейская молодежь в глобальном контексте», проведенного под эгидой французского Фонда политических инноваций*.

Ученые выясняли и отношение молодых людей к экономике в целом. Чтобы понять, какая экономическая модель им близка, респондентам было предложено, используя семибалльную шкалу оценок, сделать выбор между противоположными состояниями, например: «Общество, в котором богатство справедливо распределено» и «Общество, в котором вознаграждаются индивидуальные успехи». По предпочтению второй модели россияне впереди сверстников из других стран: 48,2% выбирают индивидуальные успехи. Следом идут датчане (37,2%), американцы (36,6%) и поляки (36,3%). Впрочем, российские молодые люди столь же важным считают высокий уровень социальной защиты и ждут от государства «протекционизма по отношению к национальному производству».

Похожие результаты показало и упоминавшееся уже «Европейское социальное исследование», согласно которому россияне в целом тоже высоко ставили достижение успеха, больше всех остальных придавали значимость деньгам и власти. Оговоримся, что ценности, о которых идет речь, — декларируемые. Это то, к чему люди стремятся, возможно, еще не имея. Кроме того, они отвечают на вопросы так, как, по их мнению, полагалось бы «правильно» отвечать. Так их научили в семье, так принято в их среде.

Столь же принятым у нас оказывается и негативное отношение к Западу, с которым, сильно упрощая дело,

* В. Сакевич. Традиционализм и готовность к переменам: что выбирает молодежь? // *Демоскоп Weekly*, № 345–346 от 15–28 сентября 2008, <http://demoscope.ru/weekly/2008/0345/tema01.php>

обычно связывают ценности личных достижений и материального успеха. Опрос Левада-центра показал резкое ухудшение отношения к США и Евросоюзу — это после августовского противостояния с Грузией в 2008 году. Но Запад давно уже не идеал и не образец. Данные фонда «Общественное мнение» (проект «Георейтинг») свидетельствуют о том, что россияне, включая молодых, устойчиво негативно относятся к западному обществу как к модели для России: в 2008 году так думали почти 60%, а четыре года назад 57% опрошенных. То есть тех сугубо количественных и прагматичных целей, которые молодые люди перед собой ставят, они хотели бы добиваться незападным путем. Интересно, как изменятся настроения, когда станет ясно, что экономические трудности уже не позволяют быстро и много зарабатывать.

ИЗЛИШНЕЕ ВМЕСТО НЕОБХОДИМОГО

В «Пиковой даме» Пушкина Германн говорит, что не готов «жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». Все окружающие, большинство из которых молодые помещики, игроки и моты, смотрят на него как на чудака, да еще и носителя чуждой культуры. Германн действительно жизнь вел совершенно «нерусскую»: отец оставил ему небольшой капитал, но он не касался ни оставленных денег, ни процентов; жил на одно жалованье, не позволяя себе ни малейшей прихоти. «Германн немец: он расчетлив, вот и все!» — говорит один из офицеров. Действительно, немец, потому и расчетлив. А что русский? В обществе, к которому принадлежат герои повести, одобрение образа жизни, сообразующего желания и возможности, выглядело бы неуместно и провинциально.

Помещику, ведущему светскую жизнь в городе, полагалось быть расточительным. Помещичье хозяйство того времени, при множестве исключений, в целом было

крайне неэффективным, денег приносило мало. О повышении эффективности мало кто думал. Большинству аристократов был известен один способ получения наличности — кредит под залог имения. Как только такая возможность с учреждением Дворянского банка появилась, ссуды стали невероятно популярны. Деньги можно было брать на 49 лет под 6% годовых. Собственность можно было перезакладывать, чтобы получить еще денег — на более короткий срок и под более высокие проценты. К моменту крестьянской реформы более половины землевладельцев не имели шансов когда-либо выкупить свои родовые гнезда. Традиция рачительного хозяйствования в предреволюционной России не слишком складывалась*. В крестьянской среде она существовала, но, учитывая, что крестьянство было практически уничтожено, можем ли мы говорить, что являемся его наследниками?

Речь идет не о традиции бедности, а именно о традиции бережливости. В современном мире она приняла форму борьбы за свободу от общества потребления. Последователей у этого направления много, и они очень разные: одни уезжают в деревню жить натуральным хозяйством, другие стараются не ловиться на рекламу и вести экономную жизнь. Есть радикалы, стремящиеся к совершенно автономной от государства жизни, а есть общества потребителей, стремящихся вспомнить о том, чему учила их бабушка. (Общества любителей яхт и дворцов гораздо менее распространены — они существуют в основном на страницах глянцевого журналов.) Традиция бережливости на Западе воспитывалась еще пуританами. Бенжамин Франклин считал сдержанность

* Ю. Лотман. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. Комментарий к «Евгению Онегину». — СПб., 1995.

и осмысленность расходов одной из 13 добродетелей, необходимых каждому*. Интерес к этой теме, естественно, возродился в кризисное время. В российской действительности эти напоминания звучат забавно: избегайте влезать в долги, жизнь должна быть свободной от ипотеки, разбейте оковы потребительских соблазнов, держитесь необходимого, избегайте излишеств, вспомните о пуританских корнях.

БОГАТСТВО КАК ПРОБЛЕМА

Чрезмерное богатство — один из социальных грехов современного мира, такой же как эксперименты над личностью и распространение наркотиков, заявил в недавнем интервью епископ Джанфранко Джиротти. Почти одновременно журнал *Forbes* опубликовал новый список самых богатых людей планеты, где русских стало гораздо больше. Москва обогнала Нью-Йорк и Лондон и заняла первое место в мире по количеству живущих здесь миллиардеров. Большинство современных американских миллиардеров — инициатива исходит от Билла Гейтса — передают огромные средства на благотворительность, иногда состояния жертвуются целиком. Так, например, запланировали поступить Уоррен Баффетт и Бэррон Хилтон. Есть ли за таким радикальным шагом религиозные соображения?

Богатые россияне сравнительно молоды и заняты развитием бизнеса. Так что им в силу возраста и занятости рано думать о наследстве и благотворительности в практическом плане. Но вопрос если и не практический, то мировоззренческий все равно висит в воздухе: есть ли

* В. Франклин. Жизнь Вениамина Франклина. Автобиография. — М.: АСТ, 2004.

у материального богатства этическое измерение? Проще говоря, быть богатым, когда другие бедны, хорошо или плохо? Можно ли ставить такой вопрос или это только те, кто ленится работать, приклеивают к чужому успеху знак «минус», чтобы им перепало что-нибудь при дележке? Революции совершаются во имя бедных, а их большинство. Так что люди с большими состояниями сродни крошечным этническим меньшинствам. Миллиардеров в мире чуть больше тысячи человек.

Итак, методом голосования проблему отношения к материальной обеспеченности не решить. Но есть религиозные традиции, которые могут помочь хотя бы подступиться к этому нерешенному вопросу. В отличие от католической церкви, почти официально признавшей крупное богатство социальным грехом, Русская православная церковь не склонна к таким жестким определениям. «Церковь учит, что отказ в оплате честного труда является не только преступлением против человека, но и грехом перед Богом», — говорится в Основах социальной концепции РПЦ*. С другой стороны, «Церковь призывает общество к справедливому распределению продуктов труда, при котором богатый поддерживает бедного, здоровый — больного, трудоспособный — престарелого».

Откуда вообще взялось негативное отношение к богатству? Папа Бенедикт XVI в книге «Иисус из Назарета»**напоминает, что были времена, когда материальное процветание воспринималось как признак праведности. Но после вавилонского пленения большинство иудейского населения жило в нужде. В новоза-

* Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 12.09.2005. <http://www.patriarchia.ru/db/print/141422.html>

** Й. Ратцингер (Папа Бенедикт XVI). Иисус из Назарета. — М.: Азбука, 2009.

ветное время «уже невозможно было поддерживать взгляд, согласно которому праведный процветает, а бедность есть следствие дурной жизни». Бедность и близость к Богу стали более естественным сочетанием, чем праведность и процветание.

Протестантская революция сознания вернула древнее ветхозаветное отношение к богатству как к признаку (возможной) избранности. Бедность перестала быть условием праведности. Этическая проблема отношения к процветанию была снята. Это, вероятно, помогло быстрому экономическому развитию протестантских стран. Но стоит помнить, что наследники пуритан не любят сохранять состояние в семье и часто отдают его на благотворительность. Богатство воспринимается как личная награда — дети и племянники здесь ни при чем.

Есть и третий взгляд — нейтральный, свойственный некоторым религиям Востока и стоической этике. Ни среди пороков, которых должен избегать стоик, ни среди добродетелей, которые он должен стяжать, нет богатства. Оно нейтрально. Ни доброй воле, ни сдержанности и бесстрастию, ни щедрости богатство не мешает, но и не способствует. Жадным может быть и бедный, и богатый. И щедрым тоже.

БЛАГОТВОРИТЕЛИ И НАСЛЕДНИКИ

Когда обсуждаются размеры состояний богатейших людей в мире, на втором плане остаются размеры их пожертвований. Между тем первые лица списка *Forbes* — крупнейшие благотворители в мире. Практически все деньги 77-летнего Уоррена Баффетта, вышедшего в 2008 году на первое место в рейтинге (около \$62 млрд), в конце концов пойдут на благотворительные цели.

Два года назад Баффетт обещал, что его доля в холдинге *Berkshire Hathaway* в течение 20 лет будет переводиться

в различные фонды, прежде всего в Фонд Билла и Мелинды Гейтс. Сам Гейтс (\$56 млрд, 2011 год) продает по 20 млн акций *Microsoft* в квартал и вкладывает средства в свой фонд, активы которого сейчас приближаются к \$38 млрд. Восемидесятичетырехлетний Бэррон Хилтон заявил в конце 2007 года, что 97% своего состояния (тогда \$2,3 млрд) передаст благотворительному фонду покойного отца, Конрада Хилтона. Это только самые известные примеры. Ни одно из крупнейших американских состояний не будет в целостности передано по наследству.

Мексиканец Карлос Слим, первый в списке *Forbes* (\$74 млрд, 2011 год), с издевкой называет американских коллег Санта-Клаусами. Но для состоятельных американцев благотворительность — и традиция, и неизбежность. Традиция была начата олигархами XIX века, а неизбежность связана с налогами. Ставка налога на наследство, который его противники называют «налогом на смерть», составляет сейчас 45% для состояний от \$2 млн. (Выше этот налог только в Японии, но эффективная ставка, после вычетов, оказывается там ниже американской. В России налог на наследство отменен.) Схемы ухода от налога и его минимизации — через страхование жизни, дробление капитала и вывод в другие юрисдикции, — конечно, существуют. Но пользоваться ими публичные фигуры из верхней части списка считают, вероятно, неприличным. Более того, Баффетт — сознательный сторонник сохранения налога как государственной политики, позволяющей избежать формирования плутократии. Да и не могут крупные суммы денег передаваться следующему поколению по праву рождения, считает он. «Отменить этот налог все равно, что набирать олимпийскую команду 2020 г. из числа детей олимпийских чемпионов 2000 года», — заявил Баффетт несколько лет назад. Состояние, как и олимпийская медаль, по праву принадлежит только тому, кто сам его заработал.

Благотворительность при таком взгляде на жизнь — рациональный шаг. Деньги в этом случае рассматриваются не как личный багаж, а как накопленная энергия, которая должна продолжать работать в новом качестве. Это не уход от налога ради ухода от налога и не безразличие по принципу «все равно отнимут», а отношение к себе как к временному управляющему, а к богатству — как к институту. Оно отчуждается от владельца им самим и переходит в руки других профессиональных управляющих. Тут есть и конкуренция с государством — новые благотворители ставят перед собой социальные задачи вполне государственные по масштабам. Гейтс, например, обещает избавить мир от 20 заболеваний. А индийский предприниматель Анжил Агарвал треть своего трехмиллиардного состояния передал на создание в Индии университета, способного конкурировать со Стэнфордом и Оксфордом.

Для большинства активных россиян главная ценность в работе — деньги. Но чтобы двигаться дальше, к чему-либо похожему на инновационное развитие, нужны другие цели, как ни наивно это звучит, творческие. Научиться себя ценить в материальном смысле — это хорошо, но мало. Нужна еще вера в то, что можно что-то изменить в мире. И тогда можно уже ценить себя не только за принесенные домой деньги, но и за принесенную пользу.

5. Управление жадностью

ЧЕСТЬ МУНДИРА

Раньше я не мог понять, почему милиционеры и другие служивые люди не говорят открыто о взятках, о сфабрикованных делах, о «палочной» системе и собственном бесправии. Ведь они люди, а человеку свойственно стремиться к честной осмысленной деятельности.

Наивно, конечно, было так думать. Ведь если ты в погонах, то говорить вслух о коррупции — значит порочить честь мундира. Какую бы правду ни сказал ты о своих коллегах, ты будешь наказан. В их руках многократно опробованный инструмент — угроза лишить отступника репутации и свободы. Любое выступление чиновника или сотрудника правоохранительных органов с рассказом о должностных преступлениях и взятках — акт мужества или отчаяния. Часто это и то, и другое. Человек, готовый говорить вслух о расправах над другими, сам оказывается под угрозой расправы.

Конечно, о ситуации в целом, о нарушениях закона и произволе в силовых ведомствах мы знаем от адвокатов и пострадавших, но это люди, заинтересованные в распространении информации. Сами они — вне системы. Поэтому свидетельства тех, кто внутри, имеют особую ценность — они не только несут новую информацию, но дают нам понять, что и там, внутри «системы», есть живые люди. Эти живые люди дорого платят за свои инициативы — ведь им приходится идти и против

начальства, и против сложившейся в правоохранительных органах системы ценностей.

Выступая против «внештатной» работы, участия в рейдерстве, несправедливых арестов, совестливые сотрудники органов пытаются перевернуть эту систему ценностей с головы на ноги. Но она стоит кверху ногами так крепко, что протестующие воспринимаются как предатели. За стремление обличить коррупцию бывших «своих» карают как за отступничество.

Разделяешь ты или не разделяешь коррупционную веру начальства, но тебе по обязанности приходится ее отстаивать. Так сотрудники силовых ведомств, многие против воли, оказываются служителями коррупции как религии. Так честь мундира превращается в свою противоположность, а исполнение приказа — в пособничество в преступлении.

Высокопоставленные силовики и чиновники не верят в закон как в общее правило, то есть такое, которое применимо ко всем. Они просто уверены, что «все так живут», что любое дело и любое решение — это вопрос цены. Там, где когда-то, в советское время, были идеология и иерархия, построенная на страхе, теперь остались деньги и иерархия, построенная на личной выгоде. То, что мы со стороны называем «коррупция», для них — единственно возможное, рациональное и оправданное поведение.

Наверное, это можно считать самой печальной составляющей большого советского наследия, которое все мы получили и груз которого еще не до конца осознали. Причина нынешнего беззаветного служения золотому тельцу — глубокое разочарование элиты в любой идее: и в левой, и в правой, и в коммунистической, и в либеральной.

Но тех, кто по-настоящему хорошо зарабатывает на этой вере, на самом деле крайне мало. Хотя бы потому, что самих должностей, позволяющих жить за счет присвое-

ния государственных или корпоративных средств, очень ограниченное количество. Все это — постсоветская номенклатура, должности, имеющие самые крупные ценники. Большинство попадают в систему обманом и получают копейки. Известно, что в теневых структурах в отличие от открытых — очень высокое расслоение. Посмотрите на миллионные суммы взяток начальников, о которых рассказывается в новостях. Рядовым пособникам коррупционеров достаются обычно крохи. Эта «религия» — просто афера, действующая благодаря непубличности и неподотчетности. Нет такой «честь мундира», которая не позволяла бы говорить об этом вслух.

ДИЛЕММА ЧАЦКОГО

В начальственных выступлениях продолжает звучать в неодобрительном ключе слово «либерал», хотя слова «либерал», «консерватор» и проч. не имеют никакого значения в современной России. Политические взгляды у людей наверняка есть, но мы не знаем, что это за взгляды и какая часть населения поддержала бы их в ситуации свободного выбора. Все-таки опросы общественного мнения и голосование за реальных кандидатов — не одно и то же.

Может быть, в России много либертарианцев или социалистов, а может быть — националистов. В конце 2010-го, после столкновений на Манежной площади, власти очень хотели убедить граждан, что в России много националистов. Можно попытаться ответить на вопрос, зачем нас хотели в этом убедить. На вопрос, действительно ли националистов много, ответить в отсутствие политического выбора, по-моему, нельзя.

Так что вместо разделения по партийным линиям есть какое-то другое разделение. Наверное, это разделение между теми, у кого в принципе есть убеждения, и теми, для кого никакие убеждения не значимы. Это не такая

уж редкая ситуация и уж точно не новая. Это очень древний конфликт: конфликт между политическими убеждениями и политической реальностью.

В увлекательнейшей книге про диссидентство историк Василий Рудич формулирует это так. Традиция требовала от свободного римлянина приверженности государству, *civitas*. Это укрепляло его чувство собственного достоинства, *dignitas*. Но с появлением принцепсов ситуация перестала быть прямолинейной. В понимании многих служение *civitas* с тираном во главе уже не было добродетелью, а, наоборот, унижало *dignitas*. В этом случае от честного римлянина традиция требовала одновременно и служить государству, и не служить ему. Это конфликт между служивым человеком и государством в его чистом изначальном виде (см. Rudich, Vasily. *Political Dissidence under Nero: the Price of Dissimulation*, London — New York, 1993).

Тот же конфликт принимает самые разные формы в средневековых монархиях и современных республиках. «Служить бы рад, прислуживаться тошно», — говорит ровно о том же противоречии между *civitas* и *dignitas* Чацкий у Грибоедова. Это прежде всего дилемма аристократа, а позже еще и дилемма разночинца и интеллигента. Российские радикалы начала XX в., стремившиеся избавить новую страну от интеллигентской заразы, просто уничтожили этот класс. Но, как выяснилось, не уничтожили дилемму. Ее продолжением в советское время был вопрос — вступать или не вступать в коммунистическую партию. Само существование конфликта говорило о том, что были люди, готовые служить или не служить за идею.

Таких становилось все меньше, и вот конфликт по своему разрешился. Сейчас это не столько конфликт, сколько общепризнанное расхождение между формой и содержанием. Те, кто не желает служить, как правило, могут не служить. Те, кто желает, служат органам как бы государства и его как бы проектам, не обязательно при-

знаявая это настоящим государством, настоящими органами и проектами. Это означает, что никакого проекта и никаких подлинных сторонников у этого проекта нет. Нет никакой партии и никаких убеждений, есть работа за деньги. Причем за очень большие и с каждым днем растущие деньги, если судить по оценкам уровня коррупции.

Transparency International оценивает коррупционные доходы в России в \$300 млрд в год. «Норма отката», говорит Елена Панфилова в интервью «Российской газете» (от 7.12.2010), выросла с 15–20% стоимости проекта в начале нулевых годов до 50–70% сейчас. Президент говорил о том, что на госзакупках воруются, по консервативным подсчетам, 1 трлн руб. в год. Бороться с этим предлагается ужесточением контроля, но контроль как техническая мера не будет работать, потому что с контролерами всегда можно договориться.

Обществу приходится все дороже платить за отсутствие убеждений и неверие, как ни выпендрено это звучит, в возможность службы обществу. Это, вероятно, следствие глубокого разочарования в идее общего блага, которое поразило целое поколение советской элиты из-за неудачи советского проекта. Представители этого поколения как раз и находятся сейчас у власти, продолжая распространять свое «антикредо». Они не консерваторы, не националисты, а именно никто. Этот радикальный символ неверия, как выясняется, стоит дорого — от четверти ВВП и выше. А отсутствие верховенства права и института собственности — это уже следствия. Необходимые и тщательно оберегаемые следствия, нужные для дальнейшего обогащения и для так называемого «ручного управления».

ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС И ОБЩЕЕ БЛАГО

Если послушать речи о «вековой» российской коррупции, то можно подумать, что склонность к эгоизму —

наша национальная особенность. Можно подумать, что милиционеры и чиновники в России оттого так плохо работают на общее благо и хорошо — на свое собственное, что они гораздо эгоистичнее своих коллег в Испании или Голландии.

Конечно, существуют глубокие различия в культуре и ценностях по всему миру. Но жадность и эгоизм существуют поверх культурных границ. Общий для всех мотивирующий фактор, без которого трудно представить себе человеческую деятельность в любой стране, — личный интерес, включающий заботу о собственном успехе, благополучии своей семьи и ближайшего круга друзей и собратьев, допустим, по общему бизнесу или дачному кооперативу.

Государства отличаются друг от друга не тем, насколько жители одних честнее жителей других, а тем, как они управляют личным интересом своих граждан, говорит Сюзан Роуз-Аккерман, автор книги «Коррупция и государство»*. Чем лучше общество справляется с тем, чтобы поставить личный интерес граждан на службу общему благу, тем выше качество политики, в том числе антикризисной. Непрозрачные решения, необъяснимые льготы, поддержка отдельных компаний — свидетельство неумения направить личный интерес в продуктивное русло.

Российская особенность не в какой-то исключительной жадности правящей группы, а в том, что доставшиеся нам в наследство советские институты не работают без дополнительной «мотивации» для чиновников. Советский генсек, министр или директор завода могли держать своих людей в подчинении, поскольку имели возможность поощрять и наказывать. От того, насколько хорошо подчиненный следовал принятым правилам,

* С. Роуз-Аккерман. Коррупция и государство: причины, следствия, реформы. — М.: Логос, 2003.

зависели его карьера, доход, перспектива получения дачи и хорошей пенсии. Это был простой, но действенный механизм управления системой.

Со временем кнуты и пряники в руках начальства становилось все меньше, а в постсоветское время они и вовсе исчезли. Новая мотивация для госслужащего пришла в форме «внештатной» работы — поборов с бизнеса. Беда постсоветского государства в том, что, укрепляя его, высший руководитель был вынужден делать его все более коррупционным — ведь это единственный источник власти, оставшийся в его распоряжении. Командная система, предполагавшая движение приказа сверху вниз, заместилась «клиентской», предполагающей движение денег снизу вверх — от низового чиновника к среднему, от среднего к высокопоставленному. Отсюда и торговля должностями.

Управление жадностью свелось к тому, чтобы расставлять близких людей на самые хлебные места. Зная, кто, где и как «кормится», правитель — будь то президент Путин или президент Медведев — может, как он думает, держать своих людей в рамках хоть каких-то приличий.

Но все рамки приличий давно пройдены: масса статей с цифрами и фактами (затраты на инфраструктурные, экспортные проекты, истории с госзакупками и т. п.), опубликованных в газете *Ведомости* и других СМИ, — подтверждение этому. Управление жадностью не работает и не может работать.

СЕКРЕТ ЧЕСТНОГО БЮРОКРАТА

Я не раз сталкивался с такой оговоркой в интервью политиков и высокопоставленных госслужащих: я здесь временно... В чтении и в разговорах с иностранными бюрократами я ищу ответа на вопрос: как добиться максимально возможной чистоты госслужбы? Можно ли

достигнуть того, о чем мечтал еще Сократ, — сделать так, чтобы государством управляли лучшие люди?

Может быть, ограниченность срока службы и «сытость» — главное? В развитых странах для звездных академиков или преуспевающих бизнесменов служба — это не способ заработать и не способ обеспечить себе место под солнцем. Люди, приглашаемые на должности министров и советников, как правило, не самые лучшие люди в сократовском смысле, а самые амбициозные люди. Они уже не ищут денег и стабильности. У них уже есть место под солнцем, и оно не зависит от воли правителя. На госслужбу они идут за положением в обществе, за признанием, за местом в истории, наконец. Это не самые идеалистические цели, но это и не утоление жадности.

Такие люди иногда становятся выдающимися политиками, а иногда втягивают свои страны в войны и заключают губительные договоры. Хорошо, что эти люди уходят. Пусть их место под солнцем будет где-то еще — в университете, в совете директоров корпорации, в олимпийском комитете. Важно, чтобы они уходили. Даже самый выдающийся человек от долгого пребывания у власти становится опасным для общества. Это мудрость, осознанная еще древними греками. У них была традиция подвергать самых амбициозных общественных лидеров ostracismu. Удаляли такого человека из города на 10 лет часто не за уже совершенную провинность, а во избежание возможной проблемы в будущем. Изгнать могли одержавшего победу полководца или талантливого политика, поскольку граждане считали, что такой человек может стать тираном.

Никого изгонять я не предлагаю, конечно. Мягкий способ добиваться того же результата — уходить в частную жизнь, то есть в бизнес или науку, временно или навсегда. Но в России крайне мало возможностей обес-

печить себе место под солнцем в совершенной независимости от государства. Нет, к примеру, пожизненного найма профессоров и независимости университетов, нет независимости бизнеса, даже независимость церкви условна. По этой же причине в России политики не любят покидать свои должности — это их место под солнцем, их актив. Об этом, впрочем, уже сказано достаточно. Кроме того, высокопоставленные госслужащие в России, как и во всех других странах, лишь малая часть айсберга-государства.

Самая большая часть государства — профессиональная бюрократия. Именно на нее политологи и экономисты все пристальнее смотрят как на ключевую. Ян Теорелл, Карл Дальстрем и Виктор Лапуенте из Университета Гётеборга в Швеции провели исследование бюрократии в 52 странах и обнаружили, что уровень коррупции и профессионализм бюрократии сильно связаны*.

Под профессионализмом имеется в виду не просто компетентность, а независимость от политиков, наем на работу не по политическим признакам и тем более не по знакомству. Вудро Вильсон, будущий президент США, еще будучи профессором, писал на рубеже XIX—XX веков, что сфера администрирования должна быть областью, удаленной от спешки и амбиций политики. И это по-прежнему так — по крайней мере, с точки зрения борьбы с коррупцией.

Разница между политиками и бюрократами в том, как и перед кем они отчитываются. Избираемые политики дают отчет во время выборов — избирателям. Профес-

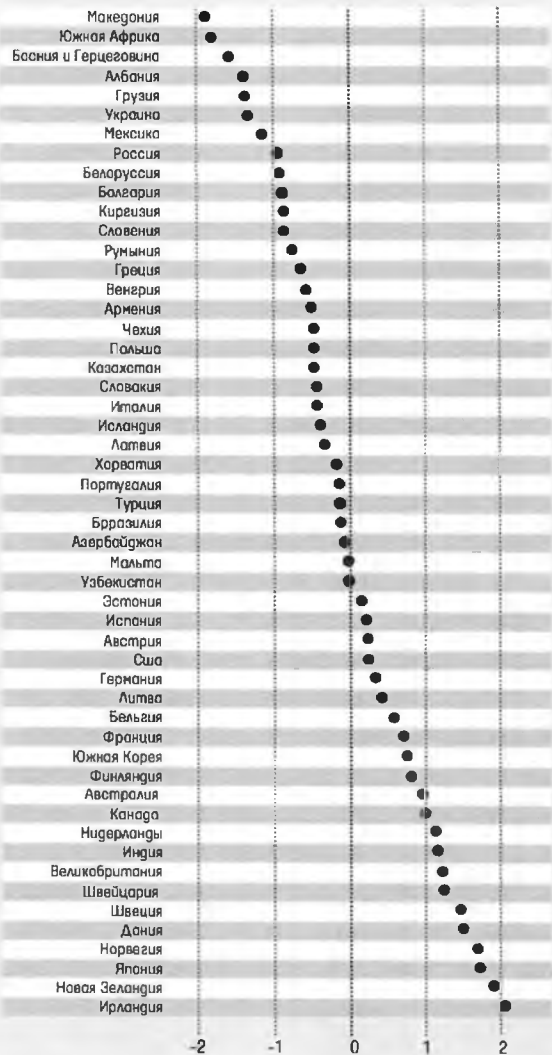
* С. Dahlström, V. Lapuente, J. Teorell. Bureaucracy, Politics and Corruption. Department of Political Science University of Gothenburg. Paper prepared for presentation at the Annual Meeting of the American Political Science Association. — Toronto, Canada, 2009.

сиональные бюрократы оцениваются коллегами и обществом по практическим результатам их работы. Карьеры бюрократов (в тех странах, где они неполитизированы) не зависят от превратностей политической судьбы их лидеров. Политики становятся жертвами скандалов, проигрывают выборы, а бюрократы остаются. Бюрократ выиграет, если, узнав о продажности политика, сообщит об этом. А если вступит в сговор, то проиграет — если это неполитизированный бюрократ. Ему ведь оставаться на службе и после того, как политик вылетит со своего места с позором.

Итак, дело не в том, что на политическом и бюрократическом уровнях государства должны быть хорошие люди. Это должны быть люди с разными интересами. Политику и бюрократу должно быть невыгодно договариваться об «откатах». Чем больше наем на работу зависит от образования и профессиональных заслуг бюрократа, а не от политической принадлежности, тем ниже уровень коррупции в стране. Мировой рейтинг профессионализма бюрократии, составленный Теореллом и его коллегами, очень похож на рейтинг коррупции — см. таблицу на с. 74.

Чем более политизирован процесс подбора бюрократов, то есть чем больше он определяется партийностью, тем коррупция выше. Так что идея превратить партию «Единая Россия» в кузницу кадров — вредная идея. Кузницами кадров должны быть университеты. Одними высокими зарплатами (и не только зарплатами) проблемы коррупции точно не решить. Исследования показывают, что такие традиционные свойства хорошего бюрократического корпуса, как стабильность карьеры, высокие зарплаты, экзамены при приеме на госслужбу, — менее важны, чем профессионализм. «Наем по меритократическому принципу — главный фактор в снижении коррупции, — говорит Ян Теорелл. — Важно, чтобы у

Уровень профессионализма бюрократии

ИСТОЧНИК: УНИВЕРСИТЕТ ГЕТЕБОРГА

политиков и бюрократов были разные интересы и чтобы бюрократы были профессионалами».

Эти выводы дают почву для размышлений. «Непрофессионализм» политиков (демократическая или недемократическая ротация) важен для повышения качества государства, но столь же важен профессионализм бюрократов. Первых нужно почаще менять, а вторых — нанимать честно и ожидать от них долгой и честной службы.

ТРИ ПРИНЦИПА ЛИ КВАН Ю

На словах с коррупцией российское руководство рьяно борется уже третий год, президент Медведев ввел эту борьбу в число приоритетных задач государства. Итоги неутешительны. Как уже отмечалось, по оценкам *Transparency International*, ежегодный совокупный доход российских коррупционеров — около \$300 млрд, что близко к четверти ВВП. Есть и более высокие оценки. В 2010 году в мировом рейтинге восприятия коррупции Россия была на 154-м месте из 178, среди стран несопоставимо менее обеспеченных (Папуа — Новая Гвинея, Камбоджа и Таджикистан).

В России появился даже новый термин — норма отката, говорит в интервью «Российской газете» Елена Панфилова, директор российского *Transparency International*. Эта норма растет: в начале нулевых в строительстве она составляла 15–20%, в середине десятилетия, по сведениям Ассоциации застройщиков, увеличилась вдвое. А сегодня доходит до 50–70% в стоимости проекта.

В 2010 году печальной статистики добавил и президент: его контрольное управление подсчитало, что на госзакупках воруются более 1 трлн руб. в год. Это не может продолжаться бесконечно, в какой-то момент коррупционные издержки станут неподъемными для страны.

Сказать, что никто не борется с коррупцией, нельзя. Борются практически все. Есть план по борьбе и стратегия по борьбе, принимаются конкретные меры (например, в 2010 году расширен список чиновников и их родственников, обязанных декларировать доходы, — правда, правила проверки соответствия доходов госслужащих и их уровня жизни пока не установлены). Международные документы возлагают основное бремя ответственности на сами государства, пораженные коррупцией. Создание антикоррупционных органов, введение высоких стандартов найма госслужащих, принятие кодексов поведения, публикация данных о доходах — меры необходимые, но недостаточные. В условиях коррупционной системы их легко симулировать.

Сочетание «палочной» системы отчетности и сверхцентрализации власти существует не только в милиции. В любой части нашей бюрократической системы все устроено так же: формальная отчетность в центр и действия только по команде из центра, как результат — отсутствие обратной связи и искажение стимулов для участников. Так же организована и борьба с коррупцией.

По данным МВД, число выявленных эпизодов взяток выросло в 2003–2009 годах в 1,8 раза (правда, число дел, направленных в суд, выросло лишь на четверть). По данным судебного департамента при Верховном суде, число осужденных за взятки выросло за 2003–2009 годы в 2,5 раза. Но количество осужденных взяткодателей росло гораздо быстрее, чем взяткополучателей. А посадки за взяточничество в составе организованной группы по предварительному сговору снизились в 1,6 раза. Серьезные расследования подменяются отловом (иногда с помощью провокации) врачей, учителей, муниципальных служащих и инспекторов ГАИ.

В публичных выступлениях российских политиков и чиновников коррупция часто получает определения

«вековая», «системная», «традиционная». Это, по сути, отговорки. Давайте исходить не из того, как это трудно, а из того, что это нужно делать. Добиваться на ценностном уровне: чтобы личный интерес поставить на службу общему благу.

На практическом уровне. Наши политические руководители уважают создателя сингапурского чуда, первого премьера Сингапура Ли Кван Ю. Давайте посмотрим на три его принципа, необходимых для решения проблемы коррупции (из интервью Ли Кван Ю, «Ведомости» от 26.10.2005): 1) чистая центральная власть; 2) неотвратимость наказания; 3) хорошее вознаграждение за работу и стимулирование честной работы.

Ни один из этих принципов нам не обойти. Выполнение их — чрезвычайно трудная задача, скорее всего, непосильная для тех, кто связан с нынешней властью. Реальная и немедленная борьба с коррупцией приведет к слому всего хода вещей, сбоям в работе тысяч организаций, оттоку капитала и еще тысяче непредсказуемых последствий. Разрушить коррупционные отношения — это буквально лишит несколько сотен очень властных и очень богатых людей источника дохода. Возможно, придется отказаться от мегапроектов. Противодействие будет таким мощным, что его трудно представить. Помимо тяжелой задачи отказа от нынешних негласных правил предстоит решить и задачу введения правил, которые будут соблюдаться прежде всего самой властью. Это самое сложное.

Можно долго спорить, способен ли на это Дмитрий Медведев. Ясно одно — вести эту операцию может только политик нового поколения, обладающий тем, чего нет практически ни у кого из нынешней элиты, — репутацией.

ТРИ ГОСУДАРСТВА

Вопрос, на который я искренне ищу ответ, — каков позитивный стратегический проект президента Медведева, к построению какого государства он тяготеет. Стала ли яснее эта стратегия после мощного президентского хода — увольнения московского губернатора? Лужков — громкий, но частный случай. Борьбу с независимостью региональных лидеров начал Владимир Путин, ослабив их экономически и политически. Он отобрал у них значительную часть бюджетной самостоятельности и добился того, что они перестали представлять собой верхнюю палату парламента.

С момента отказа от выборов Медведев уволил региональных руководителей больше, чем Путин*. Пыль, грязь и шум этой борьбы не должны отвлекать нас от ее содержания. Это «борьба с», а не «борьба за». Борьба с опасными и непредсказуемыми соперниками, которая идет 10 лет и в которой Медведев является продолжателем дела Путина. Это все еще борьба с федерализмом, а не его совершенствование.

По какому же пути пойдет совершенствование государства? Заявка ведь изначально была именно на качественные перемены, на осовременивание государства. Россия ведь должна идти вперед. Вроде бы об этом была программная статья президента «Россия, вперед!».

Должна, конечно. В сентябре 2010 года президент произнес очень содержательную речь как раз по нашей теме на пленарном заседании «Современное государство» мирового политического форума в Ярославле. Медведев дал там свое определение стандартов демократии. Но, по-моему, он говорил *не* о демократии.

* Медведев и воеводы, редакционная статья. // *Ведомости* № 184 (2702) от 30.09.2010.

Определений демократии множество, но институтов, в опоре на которые демократия существует, не так много. Спор идет о том, что включать, а что не включать. Есть минималисты, которые считают, что для того, чтобы стать демократией, обществу достаточно обеспечить проведение конкурентных выборов. Демократия в таком понимании — это «свободная конкуренция за свободного избирателя». Это определение экономиста и политолога Йозефа Шумпетера*. Есть максималисты, которым нужны помимо честных выборов еще и свободные СМИ, всеобщее право голоса, защита права выдвигаться на выборные должности, защита права на собрание, доступ к альтернативной информации, защита автономии общественных организаций. Это понимание обычно связывают с работами американского политолога Роберта Даля. Он считает, что демократия в чистом виде — это теоретическая утопия. Но если перечисленные выше условия соблюдены, то мы имеем дело с «полиархией», представительной системой, в которой несколько «элит» конкурируют между собой**. Это определения демократии, которые можно принимать, а можно не принимать.

О них президент не говорил. То, о чем он говорил, — это стандарты государственного управления. Первый из них — управление должно быть основано на законах. Невозможно спорить. Добавим только, что процесс принятия решений должен быть прозрачным, а те, кто принимает решения, должны за них отвечать.

Второй стандарт Медведева — инновационное разви-

* Schumpeter, J.A. *Capitalism, Socialism and Democracy*. — London: George Allen and Unwin, 1943. P. 271. Цит. по: Haerpfer, C. W, Bernhagen P., Inglehart R. *Democratization*. — New York: Oxford University Press, 2009. P. 12.

** Haerpfer, C. W, Bernhagen P., Inglehart R. *Op. cit.* P. 13.

тие, ведущее к благосостоянию граждан. Возможно, инновационное развитие и ведет к благосостоянию, хотя исторические примеры свидетельствуют скорее об обратной зависимости — инновации возможны в обществе, уже научившемся обеспечивать экономический рост. Для нас важно, что благосостояние мало связано с демократией и в гораздо большей степени связано с качеством управления. При хорошем правителе люди живут зажиточно, поют и танцуют; при плохом живут бедно, мерзнут и ссорятся. В свободную минуту посмотрите в Интернете репродукции фресок Амброджо Лоренцетти с аллегорическими сценами доброго и дурного правления. Они были написаны в XIV веке, очень красиво, красноречиво, но совсем не о демократии. Сиеной тогда правили просвещенные олигархи.

Третий стандарт — безопасность граждан. Это общественное благо, которое должно обеспечивать любое государство, если оно вообще действует. СССР, например, справлялся неплохо.

Четвертый стандарт — высокий уровень культуры граждан, соблюдение норм и правил. Про культуру не знаю, но нормы и правила нужны всякому государству, демократическому и авторитарному. Вопрос в том, кто и как их устанавливает. И этим вопросом занимается демократия, поскольку регулирует представительство. Но мы же не о демократии...

Пятый стандарт — убежденность граждан, что они живут в демократическом государстве. Поскольку здесь мы имеем дело с убежденностью, то есть с чем-то, что трудно обсуждать и объяснять, то от комментариев воздержимся.

Если немного дополнить картину, то можно выделить три типа госуправления (см. таблицу). Для ясности добавлю, что при правлении первого типа население — это подданные. При правлении второго типа — гражда-

Подданные, граждане, клиенты

Формы государственного управления и их ключевые характеристики

ПЕРСОНАЛИСТСКОЕ (ПАТРИСТИЧЕСКОЕ, ХАРИЗМАТИЧЕСКОЕ) ПРАВЛЕНИЕ ПО МАКСУ ВЕБЕРУ	СОВРЕМЕННОЕ (МОДЕРНОЕ) ГОСУДАРСТВО ПО МАКСУ ВЕБЕРУ	НОВОЕ ГОСУПРАВЛЕНИЕ (NEW PUBLIC MANAGEMENT) ПО ДЭВИДУ ОСБОРНУ И ТЕДУ ГЭББЕРУ
Персонализированный и неформальный процесс управления; династическое, олигархическое или военное правление; централизация или локализация принятия решений	Стандартизованный, основанный на законах процесс управления; ясная иерархия власти; прозрачный и фиксированный письменный процесс принятия решений	Допускается гибкий, основанный на принципах децентрализованного процесса принятия решений на местном уровне. «Сплоченные» иерархии; конкуренция между структурами; опора на обратную связь с населением
Неполитич, неформальный процесс подбора кадров в госслужбе; низкий уровень их подготовки и образования	Меритократия, формализованный подбор кадров; высокое качество подготовки и образования госслужащих	Меритократия, гибкое стимулирование служащих; коммерция; гибкость; перемок персонала из коммерческого и негосударственного секторов
Вертикальный процесс формальной коммуникации	Вертикальный процесс формальной коммуникации	Сетевой процесс формальной и неформальной коммуникации
Отсутствие разграничения между частными и официальными ролями и полномочиями	Четкое, соответствующее закону разграничение между частными и официальными ролями и ресурсами	Четкое, соответствующее закону разграничение между частными и официальными ролями и ресурсами
Распространение запросов в индивидуальном порядке; индивидуальное отношение к протестам, предложениям, «особые» условия, коррупция; отсутствие подотчетности властей населению	Распространение запросов в формализованном порядке; регламентированный законом процесс обоснования решений властей	Распространенный, но менее формализованный процесс распространения запросов граждан-клиентов; регламентированный законом процесс обоснования решений властей

ИСТОЧНИК: ГИПРА, НИИ ВЦИОМ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВА

не. В третьем случае граждане — это во многом клиенты (как у частной компании).

Посмотрите на таблицу и сами решите, к какому типу Россия ближе. «Стандарты Медведева», безусловно, свидетельствуют, что он хочет построить в России современное государство. Не «новое», о котором нужен отдельный разговор, но просто современное.

И вот здесь у меня вопрос: можно ли совершить переход от несовременного государства к современному теми средствами, которые использует российская власть, то есть, в частности, и президент? Вот некоторые из этих средств. Управляемые СМИ, используемые то как опиум для народа, то как дубина для губернатора, пересидевшего на кормлении. Способ подбора кадров, который далек от меритократии, то есть продвижения людей за заслуги, а не за лояльность. Непрозрачность процесса принятия решений. Терпимость к коррупции, пронизывающая государство.

Можно ли вообще подданным повелеть стать гражданами? Подданные становятся гражданами сами. По

крайней мере так бывало раньше. Переход — это самое трудное. Не исключено, что Медведев прав и можно в этом переходе обойтись и без демократии. Но как именно — главный вопрос. Президент наверняка знает и о том, что бюрократия должна быть профессиональной, и том, что такое современное государство. Но есть что-то, что сильнее политической власти.

6. Управление культурой

ТО, ЧТО СИЛЬНЕЕ ВЛАСТИ

В правительстве идет спор о том, что делать с пенсионной системой. Растущий дефицит Пенсионного фонда покрывается из бюджета, и эти расходы растут. Думать над более сложной системой с обязательными накоплениями, с личной ответственностью каждого за свое будущее — видимо, рано. С 2011 года проведена замена единого социального налога страховыми взносами, представляющая собой повышение налоговой нагрузки на бизнес. Чем бизнес более инновационный, тем тяжелее для него будет платить повышенный налог. По уровню «пенсионного бремени» на бизнес мы можем обогнать США, Германию, Швецию, Японию, Канаду. Инновации — это государственный приоритет, но поддерживать инновационный бизнес — слишком рано. Конечно, борьба с коррупцией — это государственный приоритет, но расследовать конкретные большие истории не удастся, рано. Общество не готово. И к подлинной реформе милиции не готово. И к отмене «мигалок». И к нормальным парковкам, и к чистым больницам.

Это процессы, противоположные модернизации. Это осознанный отказ от нового в пользу старого. Конечно, в каждом случае есть вполне конкретные люди и интересы, которым все это выгодно. Есть люди в погонах, которым выгодны бесплатные призывники, есть люди, контролирующие доход от взяток, которые люди платят за спасение от службы, а возможно, и от смерти. Есть выгодопри-

обретатели правоохранительного бизнеса. Есть власти, которым нужно переизбраться на выборах и поэтому тратить бюджетные деньги сейчас и не думать о будущем.

Было бы странно, если бы этих людей не было. Они есть, и они в сто раз реальнее любых речей о модернизации. В их действительной, а не публичной повестке дня никакой модернизации нет. Они тоже представители культуры, основанной на действующих институтах — таких как номенклатура, чиновничья круговая порука, отношение к закону, бюджету, деньгам компании и своим собственным деньгам. Вот, оказывается, что сильнее власти — институты, действующие правила, настоящие, а не те, что есть в писанных документах.

У любой страны есть набор исторически сложившихся институтов, и каждая страна от них зависит. И это не та культура, которой занимается Министерство культуры, хотя, по-хорошему, оно должно было бы ею заниматься. Эту культуру, по крайней мере, нужно описать и сделать доступной каждому, кому интересно понять, от чего именно нужно избавляться, а что, наоборот, лучше в себе и стране развивать. Для формирования юных граждан преподавание такой «истории культуры» было бы полезнее основ православной культуры. Ну или православную культуру нужно преподавать так, чтобы давать людям представление о том, что такое закон и право, как относиться к общему и частному (возможно ли такое?)

Все перечисленные «антиреформы» и антимодернизационные процессы — примеры того, как культура тянет назад. Это живая иллюстрация того, что в социологии называется зависимостью от пройденного пути. Вот она, осязаемая архаика, — проносится по Кутузовскому проспекту с мигалкой, пилит бюджет и не торопится расследовать сама себя. Чтобы ее преодолеть, нужно стартовое усилие — как при взлете ракеты. Тут самое трудное — начало пути, потому что слишком велика сила притяжения.

ФЕНОМЕН ВУДУ

Каждый случай культурной трансформации индивидуален, изменения должны быть в каждом случае свои. А начинать все равно нужно с изучения культуры, с честного анализа ситуации, который может дать не самую красивую картину. Это проще объяснить на чужом примере.

На одном острове есть две страны — Республика Гаити и Доминиканская Республика. Гаити — самая бедная страна западного полушария, Доминиканская Республика — типичное латиноамериканское общество, живущее не слишком богато, но с удовольствием. ВВП на душу населения здесь превысил \$8000, что не так уж и много, но в шесть раз больше, чем у соседей в Гаити, где 80% населения живет за чертой бедности. В мировых рейтингах по индексам коррупции и человеческого развития Гаити в самом низу, Доминиканская Республика — в середине. В XVIII веке территория нынешней Гаити была заметной колониальной державой и важнейшим поставщиком сахара в Европу. Сейчас это страна, постоянно нуждающаяся в помощи, и не только в связи с землетрясением. Разными странами выглядят даже с самолета: леса в Гаити вырублены, а у соседей зеленеют, как и раньше.

Климат в обеих странах один и тот же — тропический, ведь это один и тот же остров. Здесь растут палисандры и редкое кампешевое дерево, нет хищников. Правда, случаются ураганы. Значительная часть населения обеих стран — бывшие рабы. Обе страны добились независимости примерно в одно и то же время, в начале XIX века. Природных богатств и плодородных земель Доминиканской Республике досталось больше, но незначительно.

Почему же две страны живут настолько по-разному? Зигзаги истории привели Доминиканскую Республику к сравнительно демократическому настоящему. Политическая история Гаити — чередой жадных диктаторов.

Но политики ведь берутся откуда-то. Лоренс Харрисон, инициатор (вместе с Самюэлем Хантингтоном) проекта *Culture Matters*, уверен, что причина в культурных различиях*. Большинство гаитян практикуют вуду — систему верований и прикладной магии, вывезенную из Африки и укоренившуюся в Центральной Америке. «И дурное, и хорошее гаитянин приписывает духам, которых постоянно должен ублажать <...> Причины событий для человека, воспитанного в вудуистской традиции, внешние, а не внутренние, как, например, у тех, кто рос в иудейской или христианской традиции (чувство вины, греха и пр.). Вывод причин вовне позволяет ограничивать ответственность за происходящее, но это ограничивает и потенциал человека», — пишет Уоллес Ходжес, миссионер, проживший много лет на Гаити.

Склонность переносить источник событий вовне, в том числе на других людей, каждый из которых может тайно наслать на вас какого-нибудь духа, ведет к подозрительности и страху. «Общество, в котором процветают магия и колдовство, — большое общество, где царит напряженность, страх и моральный разброд. Магия — это механизм управления конфликтами и поддержания статус-кво, т. е. препятствие к развитию», — пишет экономист из Камеруна Даниэль Этунга-Мангуэле. Вуду порождает фатализм, препятствует развитию инициативы, рациональности, стремления к личным достижениям и образованию, пишет африканский ученый.

* L. Harrison, S. Huntington, editors. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. — New York: Basic Books, 2000. Есть русский перевод: *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу*. Под ред. Лоуренса Харрисона и Самюэля Хантингтона. — М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Я понимаю, что ступаю на зыбкую почву. История Гаити — это пример из книжки*. Может быть, авторы исследований по Гаити не правы, и вуду на самом деле очень хорошая религия. Может быть, они упрощают: общество формируют многие факторы, не только религия предков. Меня, конечно, во всем этом интересует российская, а не гаитянская история. Я вырос в России и в собственной повседневной жизни постоянно сталкиваюсь с отсутствием инициативы, недостатком рациональности, фатализмом и неверием в собственные силы, в возможность честного заработка («этика милиционера»). Сталкиваюсь с этими качествами и в опросах общественного мнения. И в жизни, и в опросах я вижу недоверие к другим, постоянное ожидание подвоха. Исследования показывают, что чем ниже уровень межличностного доверия, тем сильнее желание ограничить другого, которому мы не доверяем, защититься от него забором, ответными действиями, милицией.

Что это за феномен вуду, которое породило нашу систему ценностей, — вот что хотелось бы понять. Возможно, это комбинация суеверий, «народного православия», невежества, советских и постсоветских травм, нанесенных безумными политиками всему обществу. А еще интереснее понять, как изменить эту систему верований, чтобы настоящее развитие и подлинная модернизация были возможны. Если я правильно понимаю авторов проекта иннограда в Сколково, то они собираются предпринять попытку создать на отдельно взятой территории лучшую, чем в стране в целом, систему ценностей. Такую религию антивуду, которая будет располагать к инициативе, к личным достижениям, ответственности и дове-

* См.: J. Diamond, J. Robinson, editors. *Natural Experiments of History*. — Cambridge-London: Harvard University Press, 2010.

рию. Если это так, то авторы проекта понимают, что на самом деле нужно делать для развития. Только делать это они собираются за забором, на закрытой территории. Потому что это невозможно на всей территории? Или потому, что это опасно делать на всей территории?

ЭТИКА МИЛИЦИОНЕРА

Милиционер остановил меня, потому что я проехал светофор на мигающий желтый. Я вез родителей с дачи. Усталый капитан представился и, взяв мои документы в руки, тут же повеселел: он предвидел отличный улов — тут было не только нарушение, но и просроченный техосмотр. Осознание всей глубины положения, в котором я оказался, настроило его на благодушный лад, а меня превратило в благодарного слушателя. Отличный повод поговорить. Мы и стали говорить, точнее он, заполняя бумажки, взялся рассказать мне о своей системе ценностей.

Бодро перечислив кары, которые меня ждут, капитан спросил, кто я по профессии. «Журналисты у нас не в авторитете, честно тебе скажу», — с почти искренней жалостью сообщил он. «Я родителей везу домой с дачи, мама плохо себя чувствует», — сказал я правду. И молодец, что сказал, — мгновенно заработал очко. Уважение к родителям — редкое качество в стране, которая катится к чертям собачьим, начал объяснять капитан. Он, кажется, вышел на одну из важных для него тем. Рассказал о своих детях, о том, чем отличаются дети богатых и нечестных людей от детей бедных, но честных. Потом он сказал: «Ты ведь под начальством работаешь... Что скажет редактор, то и пишешь, я так понимаю». Я начал было возражать и объяснять ему, как устроена работа редакции в газете «Ведомости». Но он меня не слушал и хорошо, что не слушал.

Во-первых, он объяснил мне, кто у них «в авторитете». В авторитете у них служаки, которые, как и он, 45-летний

трудяга-капитан, зарабатывают «своим горбом» — военные, фээсбэшники, милиционеры — только средние, а не высшие чины. Во-вторых, он рассказал, почему страна катится к черту. Потому что он, и такие, как он, честные люди работают по приказу нечестных. Не может милиционер остановить нарушителя, который «на номерах и с ксивой». Милиционеру же хуже будет. Не может сотрудник, например, Госнаркконтроля пойти и проверить ночной клуб, известный тем, что там свободно продаются наркотики, потому что ему же хуже. Туда ходят дети «слуг государевых», и родители покрывают своих детей. «А приказ мы должны исполнять и только потом обжаловать, если так уж хочется». Вот почему ему важно было знать, что я работаю под начальством и уважаю родителей. Другим таким же хорошим и подневольным он всегда поможет, а заработает «своим горбом» на тех, кого не жалко. А не жалко, объяснил капитан, того, кто на хорошей машине, но без ксивы и не коллега — сотрудник органов. Это защита и оправдание милиционера.

Он был очень щедр ко мне: я уехал с правами в кармане и небольшим штрафом. Я ему благодарен, потому что действительно нужно было везти родителей. Конечно, я нарушил правила, а он скостил мне наказание, потому что принял за своего. Я пытался не соглашаться, ему же было важно дать мне урок.

Урок в том, что лучше жить как он — без иллюзий и без ответственности. Он просто снимает с себя всякую ответственность за общее дело и работает только на себя и свою семью. Он не может выполнять свою основную функцию — контролировать соблюдение правил, то есть работать на общее благо (а он осознает, что в идеальном мире работа на общее благо и есть его функция). Он, по сути, защищается — он понимает, что в идеале сотрудник милиции должен наказывать каждого, кто нарушает закон. Но это невозможно, потому что слишком много тех, кого

нельзя наказывать. Из-за них, слуг государевых и их избалованных детей, говорит капитан, правила и не соблюдаются, так что донкихотство тут неуместно и может дорого обойтись: «Могут даже дело повесить». Или еще хуже. Капитан напоследок рассказывает мне легенду или быль о том, что один знакомый ему майор был убит за то, что слишком много узнал о лице, охранять которое был поставлен.

Но есть те, кого можно наказывать и на ком не позорно и не страшно зарабатывать, применяя к ним закон. Капитан становится строгим законником для тех, кто не при власти и не в авторитете, тех, кто и не «на номерах» и не «служит», то есть находится вне системы. А ведь для капитана ГАИ и для многих других служивых людей вплоть до высшего чиновничества это не просто система-иерархия, это еще и система ценностей. И в другие системы они не верят.

ДУРАКОВ НЕТ

Разочарования — это такие неприятные открытия, которые надолго западают в душу. Одно из них в том, что трудно добиться успеха, не имея связей, не обманывая или не оказавшись случайно в нужное время в нужном месте. Это открытие о несправедливости мира делают для себя люди в определенном возрасте во всех странах. Но в России резкое, почти мгновенное расслоение, разбросавшее людей в 90-е годы, не могло не нанести обществу особенно глубокой травмы. И сегодня, глядя на знакомых и окружающих, которые добились материального успеха, так думают многие. Особенно те, кто, не имея собственного опыта в бизнесе, просто уверен, что за всем стоят семейные связи или слепая удача.

Убеждение в том, что у любого успеха грязная подкладка, создает и линию поведения. Еще не добившись ниче-

го самостоятельно, человек уже смотрит на мир и действует так, будто успех без обмана невозможен. Ум дан человеку на то, чтобы уметь распознавать хитрости других. Такой взгляд — один из способов морального выживания во времена «нестабильности», — конечно, не родился в России в конце XX века. Вот что я прочитал в интереснейшей книге об итальянцах, написанной в 60-е годы прошлого века умным итальянцем Луиджи Барзини*.

Императив, которому итальянцы подсознательно подчиняются во всех своих решениях: не дать сделать из себя идиота. *Non farsi far fesso*. Быть *fesso* (идиотом) значит позволить себя обмануть — жене, коллеге, начальнику. *Фессо* — это тот, кто платит налоги, не нарушает законы, верит тому, что читает в газетах, держит свои обещания и вообще исполняет свои обязанности. За любым широким жестом всегда стоит личный интерес. Барзини считает, что этот «прагматический реализм» — итальянская народная этика, сложившаяся еще столетия назад. Вот история про папу Климента VII. Когда кто-то из приближенных напомнил папе-прагматику о его пастырских обязанностях, Климент ответил: «Вы правы... Но, я вижу, мир пришел в такое состояние, что, кто более лукав и более изворотливо обделывает свои дела, того считают более достойным человеком, а кто поступает наоборот, про того говорят, что хотя он человек хороший, а цена ему грош».

Никому не нравится быть идиотом: ни римскому папе эпохи Ренессанса, ни российскому президенту в XXI веке. Лучше разобраться в «схемах». Это интересно и нужно, в том числе для борьбы с преступностью. Но это лишь изучение технологии. Трезвое понимание того, что есть люди, которые «изворотливо обделывают свои дела», обманывая государство и граждан, еще не означает, что все вокруг таковы. Это логика разочарования.

* L. Barzini. *The Italians*. — Atheneum, 1964.

Сделав один раз открытие, что не все то правда, что тебе объясняла в детстве бабушка, некоторые разочаровываются во всем. Если нет Деда Мороза, то нет чудес.

Реализм — это тоже вера. А вера формирует окружающую реальность. Если ты убежден, что все вокруг постоянно пытаются тебя развести и подставить, то таким и будет твое окружение. Времена будут предательскими, если так о них думать.

Это верно и на уровне общества. Экономисты Альберто Алесина и Хорхе-Мариос Ангелетос в одной из своих работ («Честность и перераспределение»)* показывают, что взгляды, преобладающие в обществах, влияют на модель их развития. Там, где большинство верит в возможность добиться успеха личными усилиями, постепенно формируется политика, предполагающая небольшие налоги и незначительную перераспределительную роль государства. В странах, где преобладает убежденность, что успех достигается только с помощью коррупции, связей или удачи, устанавливаются более высокие налоги, государство больше денег забирает у богатых и передает бедным.

НЕВЕРИЕ СКЕПТИКА

Люди, которые в идеальном мире должны были бы быть слугами закона, слишком хорошо знают, что живут в неидеальном мире. Они не верят в закон как в общее правило, которое применимо ко всем. Они знают, что закон применяется избирательно и от имени носителей власти, и их самих не касается. Александр Бенкендорф, «силовики» пушкинского времени, в свое время прекрас-

* A. Alesina, G-M. Angeletos. Fairness and Redistribution. // *The American Economic Review*, Volume 95, Number 4, September 2005.

но сформулировал эту установку. «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться или ими оправдываться», — заявил граф Антону Дельвигу, имевшему неосторожность упомянуть в разговоре один из российских законов*. А что же те, кто не может пользоваться законом к своей пользе и является идеальным уловом для служивых людей? Они, конечно, тоже не верят в закон как в общее, применимое для всех правило. Это представители другой системы ценностей, являющейся, впрочем, другой формой неверия. Это тоже скептики, только мыслящие независимо.

Скептик, как правило, человек умный, компетентный в своей области, психически здоровый, только разочарованный, что называется, «в политике». Он все уже видел, он не ждет ничего нового и смеется над попытками разглядеть что-то многообещающее в словах и жестах очередного министра, премьер-министра, президента. Позиция эта вызывает симпатию. Именно такие люди, приходя в гости к моим родителям, рассказывали самые смешные анекдоты и декламировали стишки вроде «хочешь жни, а хочешь куй...». Это были симпатичные люди с юмором и хорошим образованием. Многие из них перестали быть скептиками на короткое время в конце 1980-х, когда в журналах было что почитать. Позже они ушли в бизнес или уехали за границу.

Похожую траекторию проходили и люди моего и других поколений — только ключевые даты были для них другие. У каждого было какое-то свое событие или цепочка событий, которые заставили его махнуть рукой: расстрел парламента в 1993 году, президентские выборы

* А. Кошелев. Записки. — М.: «Наука», 2002.

1996 года, появление бывшего офицера КГБ во главе страны в 1999 году, разгром ЮКОСа, изгнание демократических сил из парламента в 2003 году, откровенная коррумпированность чиновников и т. д.

Скептик делает несколько правильных вещей: не смотрит федеральные телеканалы, не верит политическим комментаторам, громким фразам и обещаниям. Неправ скептик в одном — он или она становится частью безответного большинства, политическая позиция которого такова: я ни на что не могу повлиять, ничего не могу изменить. Даже самый продвинутый скептик становится в один ряд с тем среднестатистическим человеком, который, как мы знаем из опросов, бежит от свободы как черт от ладана.

Эти люди не потеряны безвозвратно. Конечно, они в разное время махнули на свою страну рукой и они давно не верят обещаниям. Но они могли бы поверить действиям и отреагировать. Некоторые из публичных действий политической власти, на которые умные скептики могли бы отреагировать, — это, например, освобождение ученых Игоря Сулягина и Валентина Данилова, раскрытие громких нераскрытых убийств, отказ от силового подавления уличных шествий и демонстраций, от цензуры на телевидении, возвращение выборов на все уровни власти, облегчение визового режима для всех, кто желает приехать в Россию. Это были бы знаковые действия, не влияющие прямо ни на экономику, ни на массовую аудиторию. Но именно такие действия способны вызвать интерес у скептиков и вернуть их к активной позиции в политической жизни. А один образованный, компетентный человек, решивший вернуться (неважно — из-за границы или из внутренней эмиграции), — это больше, чем тысяча пассивных телезрителей, на которых государство опирается все последние годы.

ВОПРОС ВЕРЫ

Что должно произойти, чтобы люди, уже выстроившие «запасные аэродромы» для себя за границей, занялись строительством на родине — тоже для себя? Или хотя бы «как для себя». Ведь так должны строиться олимпийские объекты, мосты и дороги, если строитель уверен, что по этим дорогам будут ездить его дети и внуки.

Конечно, можно добиться результата принуждением и страхом, но не такого результата. Страх вполне действенная, древняя, как египетские пирамиды, мотивация, но не лучшая, если речь идет о работе на совесть. Мы много знаем о страхе на опыте собственной истории. Выражение «расстрельная должность» не было метафорическим в 30-е годы, во время войны и еще некоторое время спустя. В нынешних условиях напугать крупного менеджера, выполняющего, как говорится, «государственную задачу», не так легко даже при большом желании. Чем можно его напугать, если это свободный человек, давно обеспечивший себе пути отступления и имеющий хорошие сбережения? Как такого человека мобилизовать?

Такой человек может мобилизовать только сам себя, если поймет, что работать для других больше не зазорно. Ему придется преодолеть мощные неформальные установки постсоветской трудовой этики. В этой системе ценностей умение заработать любой ценой, за счет других и за счет бюджета — признак силы. Работа же ради общих целей — признак в лучшем случае чудачества.

Именно эта перевернутая система ценностей, «антиэтика», и есть главное и, скорее всего, непреодолимое препятствие к реализации больших государственных программ. Вокруг государственных денег водятся именно такие люди, и чудо исцеления с ними вряд ли произойдет — оно ведь должно произойти со всеми одновременно. А белые вороны в этой среде не выживут.

Носители неперевернутой этики, конечно, существуют. Их даже становится больше в окружающей жизни. Они есть и в бизнесе — как правило, несырьевом и построенном с нуля, но можно ли их десантировать в токсичную госпроектную среду — большой вопрос. Либо не примут, либо обратят в свою веру.

От того, какая «вера» победит, зависит будущее. Есть слабая надежда, что перевернутые сами обратятся. Все-таки воровство — хоть и большое искусство, но не творчество. Результатом его является не создание нового, а только перекалывание одного и того же из одного кармана в другой, да еще с потерями на посредников.

ПОТЕНЦИАЛ НЕДОВОЛЬСТВА

Что должно произойти, чтобы в необходимость и возможность перемен поверило большинство? Достаточно ли осознанного недовольства? Недовольство, претензии к правительству, сомнения в правильности политического курса — все эти чувства вызывают недоверие у скептиков, ненависть у силовиков и опасения у правительства. Но можно ведь рассуждать иначе. На самом деле чувство недовольства полезно, ведь оно вполне может быть двигателем развития. Разочарование, осознание отсталости своей страны, даже зависть к тому, как живут другие, — конструктивная и мобилизующая сила. Глубокое осознание необходимости модернизации было свойственно российскому обществу во второй половине 1980-х годов, но благотворные иллюзии, вера в то, что можно что-то изменить, и рабочее настроение быстро исчезли.

Если политические лидеры действительно стремятся к модернизации экономики и государства, то они должны поощрять критическую дискуссию в своей стране. По сути — поощрять недовольство положением дел. Чем содержательнее критика, чем лучше анализ, чем точнее сравне-

ние положения в нашей стране с положением в других странах, тем лучше для развития. Верить в необходимость изменений должны не только члены правящего класса, но и те, кому предстоит выполнить всю работу, то есть активная, работающая часть населения. Именно эта часть населения должна быть в курсе истинного положения дел. Если полной информацией обладает только верхушка, у представителей элиты есть стимулы только к имитации действий. В ситуации информационной асимметрии («мы все знаем лучше, чем они там внизу») начальники занимаются не модернизацией, а дорогими «модернизационными» государственными проектами, на которых сами и зарабатывают. Если же трезвое понимание глубины кризиса будет и у активных граждан, а действия властей будут прозрачными, люди не дадут разворовать деньги. Они будут лучше (а не хуже) работать, поскольку будут осознавать свою ответственность за положение в стране. Большинству из нас некуда бежать, так что у каждого есть стимул добиваться того, чтобы жить было комфортнее. Итак, трезвое понимание, кто мы и в какой стране живем, может быть мобилизующим фактором.

Но власти об этом, наверное, не знают. Не догадываясь об огромном созидательном потенциале народного недовольства, власти недовольства боятся. Почему это так, понять сложно. Вместо того чтобы будить в людях здоровое желание изменить положение к лучшему, они показывают по телевизору «игроков», способных все только запутать. Дополняется это чудовищными «юмористическими» передачами и беспощадной «эстрадой», какой нет нигде в мире. Еще одно социальное лекарство — алкоголь — бесплатно пока не поставляется, но доступность его всячески поддерживается низкими ценами и нежеланием повышать акцизы. Президент время от времени возвращается к теме борьбы с алкоголизмом, но только на риторическом уровне. Между тем эта тема в России знаковая. Начало дей-

ствительной, а не показной политики, направленной на борьбу с алкоголизацией населения, можно будет считать признаком заинтересованности власти в развитии страны. Пока таких признаков нет. Алкоголь — средство ухода от осознанности, позволяющее жить в полусне.

Экономический спад в России 2009 года оказался одним из самых глубоких в мире. Это было следствием кризиса мировой экономики, но не только. Более глубокая причина — неверие в возможность развития. Гражданская вера, то есть вера в возможность превращения сегодняшнего «неидеального» мира в «идеальный» — самый главный источник экономического роста. Все остальное производное от него. Носители разных форм неверия — и чиновники, зарабатывающие на тех, кто вне системы, и те, на ком зарабатывают, — мешают восстановлению экономики. Помогают ему те, у кого еще осталась вера в то, что можно что-то изменить.

КУХНЯ, ОДЕЖДА И ДЕМОКРАТИЯ

В японском, индийском или эфиопском ресторане легко «попробовать» другую культуру. Общение культур на таком уровне стало массовым. Станет ли оно более глубоким? Придем ли мы к тому, чтобы каждый мог подобрать себе по вкусу не только кухню и одежду, но и мировоззрение, и законы, и права?

Люди Запада научились ценить и глубоко изучать иные культуры только ко второй половине XIX века. До этого открытие чужих цивилизаций оборачивалось их подчинением, эксплуатацией, а иногда и уничтожением. Но в наше время культурное разнообразие — первый пункт политкорректной повестки дня, нетерпимость — дурной тон, а уважение — хороший.

Самая масштабная и до сих пор, пожалуй, не завершенная история в этой области — это открытие культур

Японии и Китая западными художниками, коллекционерами, дипломатами и коммерсантами. Этот процесс похож на взаимное ученичество. Гравюры японцев изменили ход истории искусства на Западе, восточные духовные учения повлияли на духовно-интеллектуальное сознание европейцев и американцев. В свою очередь, западные технологии, наука, образование и методы государственного управления изменили ход истории Азии.

В активном взаимном обучении прошло почти 150 лет, и сейчас каждый при желании может не только перейти на индийскую, например, кухню, но и начать смотреть на мир глазами этой культуры. Речь не только о физических упражнениях, но и о законодательстве. Можно выбрать законы и юрисдикцию стран, благоприятствующих решению деловых конфликтов, — это называется «форум шопинг».

В одной стране хорошо думают, в другой — делают прекрасное вино, в третьей — хорошо судят и разграничивают права. И совершенное чудо нашего времени в том, что воспользоваться лучшими достижениями этих далеких культур мы можем, не разрываясь физически между Японией, Францией и Британией.

Более того, мы можем, взрослея, открывать для себя «Италию», потом, к примеру, «Норвегию», а потом — «Аргентину». То, на что у стран уходило по сотне лет, человек может проделать несколько раз в течение одной жизни. Можно ведь взять лучшее от каждого мира и создать свой — уникальный и «подогнанный по фигуре». А если каждому из нас так легко воспользоваться плодами других культур, то почему бы не добиться того же для всех вместе, то есть для целых обществ? Ведь это естественный следующий шаг. Почему выбирать не может целое общество?

Может! И многие общества такой «шопинг» ведут и даже неплохо справляются с подбором институтов по

себе. Но справляются далеко не все. Это, оказывается, очень трудно.

Трудность объясняется двумя причинами. Во-первых, нужно доказать, какие из институтов, претендующих на звание лучшей практики, действительно лучшие. Нужно понять, что причина, а что следствие. Например, защищенные права собственности ведут к процветанию (более вероятно именно это) или процветание рождает спрос на защиту прав — об этом идут споры до сих пор. Во-вторых, нужно этот коллективный «шопинг» организовать. Проголосовать, например, или громко хором сказать: хотим сами выбирать своих представителей. Общество гораздо инертнее отдельного человека.

А ведь восхищение японской гравюрой и шведской демократией — явления одного порядка. И то и другое — достижения культуры, которые вполне можно изучать и заимствовать. Но подражать японской гравюре почему-то легче, чем шведской демократии.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ИРАН

Может быть стремление к инициативе, доверие друг к другу и прочее из сказанного российскому населению от природы не свойственно? Есть немало тех, кто так считает и даже действует, стремясь доказать, что «русское вуду» — будущее нации. Дело о «Запретном искусстве» — это, на мой взгляд, пример такого действия. (В марте 2007 года в Музее и общественном центре имени Сахарова открылась выставка «Запретное искусство — 2006», на которой были собраны работы, снятые с выставок в Третьяковской галерее в 2006 году. Выставка вызвала резко негативную реакцию у части православной общественности, которая обвинила организаторов в «оскорблении верующих и надругательстве над святынями». В июне того же года было возбуждено уголовное дело по обвинению в «возбуждении

ненависти и вражды, а также в унижении человеческого достоинства с использованием своего служебного положения». В июле 2010 года Таганским районным судом Москвы организаторам выставки «Запретное искусство» был вынесен приговор: Юрий Самодуров и Андрей Ерофеев были признаны виновными и приговорены к выплате штрафов.)

Акция против кураторов выставки — тоже, в известном смысле, искусство. Это одна из тех политических кампаний, которые проводятся так, чтобы подлинных инициаторов не было видно. У таких действий руками «общественных организаций» богатая советская история: вспомните или посмотрите в Интернете, как проводились кампании против академика Андрея Сахарова, против писателей Юлия Даниэля и Андрея Синявского. Эти проявления реакции призваны были симулировать общественную активность, восстанавливать граждан друг против друга, а заодно и маргинализировать настоящих общественных деятелей. Это делалось тогда и делается сейчас. Интересно, кстати, что даже в тоталитарном государстве власти, находясь в полной безопасности, предпочитают на всякий случай оставаться в тени. Есть и еще одна цель — запустить «пробный шар», изучить реакцию общества, чтобы понять, понравится ли людям, как наказывают «религиозных диссидентов». Будет настоящая общественная поддержка у православных фундаменталистов или нет? Процесс Самодурова — Ерофеева длился два с половиной года, так что материал был собран большой. Мое впечатление, что серьезной поддержки у православного фундаментализма нет, хотя злорадства по поводу «кощунников» полно. А еще больше невежества и провинциальности.

В советское время тем настоящим актором, который из-за кулис водил рукой общественности, была партия, ее центральные и региональные начальники. Было понятно, кто стоит за сборами подписей и демонстра-

циями против очередных «жалких отщепенцев». А кто сейчас занимает эту нишу? Интересно, что сейчас в этой нише оказались, судя по всему, и представители Церкви, которая в советские годы была с другой стороны кулис.

То есть, конечно, Церковь институционально не участвовала в деле, а только устами отдельных священнослужителей комментировала ситуацию. Не участвовала в деле ни администрация, ни какие-либо правительственные структуры. Вообще никто не участвовал, а это все само сделалось, по велению сердец обиженных граждан. И все-таки есть ощущение (недоказуемое!), что проводился эксперимент: можно ли подморозить Россию православием? Дадут ли граждане свое согласие на первые шаги в направлении «православного Ирана», нашего, русского, с советом духовных лидеров во главе и соборностью в качестве идеологии.

У этой идеи есть известные основания в нашей авторитарной мыслительной традиции: привычные институты в России, конечно же, не работают, но готовы ли граждане поддержать новый эксперимент? По-моему, согласия не дано.

РОЛЬ ПОЛИТИКА

Советская история — пример длительного эксперимента по перевоспитанию общества, показавший, что невозможно внушить людям то, во что они не поверили бы сами. Возможно, у российского общества еще есть шанс выразить себя не только в потреблении, но и в осмысленных политических высказываниях. Но пока это лишь потенциальная возможность. Может быть, она и не будет воплощена.

Настоящих лидеров во всем мире, а не только у нас мало, можно по пальцам пересчитать. К тому же действовать их, как правило, вынуждали обстоятельства. И это

вполне объяснимо. Настоящий политик работает на аудиторию, как умелый производитель бестселлеров. Идет чуть впереди, создает у публики ощущение «прорыва», но говорит на самом деле только то, что люди уже слышали и хотят слышать снова. В этом его бизнес. Именно в меру чувствительности политик выигрывает выборы и потом в меру той же чувствительности действует минимально. Ведь рамки «политически возможного» определяет та же аудитория, которая его выбрала. И все-таки у политика есть роль. Настоящие перемены происходят помимо него — благодаря гражданским активистам, художникам, ученым, писателям. Но умный политик может признать эти достижения. Глупый — будет бороться с ними, мешать, изгонять и сажать активных людей в тюрьмы.

Политик может притягивать — скорее случайно, чем осознанно, — лучшее, что рождается в общественной среде. Имена таких политиков помнят с благодарностью. А есть такие, которые культивируют худшее, выдавая низость, жадность и нетерпимость за образ народа.

«Теперь вы говорите, что милиция служит только начальникам. В милиции всяких людей хватает! Там срез нашего общества вообще. Да, это часть страны и там не с Марса люди приехали, да», — говорит Владимир Путин*. Народ не бывает лучше или хуже. В каждом обществе есть жадные, нетерпимые и невежественные, а есть бескорыстные, открытые и образованные. Дело лишь в том, по какой части общества мы судим о нем в целом — по лучшей или по худшей. Вопрос в том, кто становится образцом и героем — Николай Вавилов или Трофим Лысенко, Иосиф Бродский или Степан Щипачев, Владимир Арнольд или Виктор Петрик.

* Веб-сайт председателя правительства России:
<http://premier.gov.ru/visits/ru/10771/events/10795/>

Знать и понимать лучшее — это дело подлинной элиты. Она — фильтр или неформальная «конкурсная комиссия». Свойство хорошего политика — как хорошего агронома и почвоведца — не мешать расти лучшему. Читатель здесь скажет: какая разница, что показывают по телевизору, как выглядят города и улицы? Разница есть. Убожество официальных праздников, архитектуры и публичных выступлений обычно соответствует низкому качеству официальных идей. Это потому, что вопросы «как?» и «что?» неразделимы. непонимание собственно культурного наследия, поддержка нетерпимости и цинизма — обратная сторона воровства и некачественной политики. В этих условиях ни у какого претенциозного и дорогого официального проекта нет будущего. На воровском поле вырастут только сорняки.

7. Работа над кавычками

ЧТО ТАКОЕ КАЧЕСТВО

В середине 1940-х гг. Владимир Набоков, живший тогда в Кембридже, штат Массачусеттс, готовил лекции по литературе и языку, писал рассказы и мемуары по-английски и успевал выделить по несколько часов в неделю на работу в гарвардском Музее сравнительной зоологии. В музее он занимался описанием и классификацией чешуекрылых. В результате длительных наблюдений за особенностями строения одного из видов — бабочек голубянок — Набоков пришел к гипотезе об их появлении в Новом Свете. Эти бабочки должны были, по догадке писателя, перебраться на американский континент из Азии — через Берингов пролив.

Идея, высказанная мимоходом в одном из энтомологических журналов, многие годы оставалась в стороне от научного оборота. Но несколько лет назад куратор гарвардской коллекции бабочек Наоми Пирс, узнав о набоковской статье, взялась всерьез проверить его миграционную гипотезу. После 11 лет работы с применением современных методов анализа ДНК ученые ее полностью подтвердили. «Боже, он был прав, — говорит Пирс, — я была потрясена». Заметим, что Набоков был вооружен только микроскопом, карандашом и оптическим инструментом для рисования с натуры — *camera lucida*.

Отчет об исследовании есть в открытом доступе в журнале *Proceedings of the Royal Society B*, профессиональном биологическом издании. Для меня это история не только

об энтомологическом открытии, но и о том, как много можно увидеть, пристально глядяываясь в предмет изучения. И о планке качества, которую каждый ставит себе сам.

Набокову, оказавшемуся в США в 1940 г., не сразу удалось найти работу. Это был Набоков «до Лолиты» (книга вышла в 1955 г.) — уже признанный профессионалами, но еще не знаменитый и не богатый. Любые места на кафедрах славистики в американских университетах в то время, как и сейчас, были на вес золота. Тогда, как и сейчас, профессорские зарплаты в этой области были скромными. И это при том, что профессором в Гарвард Набокова не взяли — он работал на полставки в женском колледже под Бостоном. Энтомология, которую писатель не считал хобби, была для него второй, а временами и первой возможностью заработка.

Но зачем было заниматься бабочками так много и глубоко? Он работал в музее, не зная, что его гипотезу смогут когда-нибудь проверить. Он даже не знал, что на месте Берингова пролива была суша как раз тогда, когда его бабочки должны были перелетать в Америку. Никакого немедленного вознаграждения — только рутинная работа. Платили ему за описания и энтомологические рисунки бабочек, а не за гипотезы. Ему приходилось выживать в чужой среде, но он работал так, как будто у него было много свободного времени: неторопливо и целеустремленно. Значит, бывает у людей такой внутренний контроль качества, который работает сам по себе, независимо от того, подгоняет ли жизнь и платят ли много денег.

Только так, по-моему, и делаются хорошие вещи и рождаются открытия — в творческой рутине, которая интересна сама по себе. Борьба за выживание, конкуренция и даже принуждение — проверенные двигатели. Они подгоняют и мучают, но они не заставляют стремиться к подлинному качеству. Ведь этого качества никакой надсмотрщик не может потребовать. Планка устанавливает-

ся изнутри — ее не видно со стороны. Когда ученый еще только формулирует гипотезу, предприниматель еще выстраивает бизнес, художник пишет картину — о качестве трудно судить. То, что оно есть, становится очевидным через много лет, когда работа становится бесспорной: когда гипотеза уже доказана, когда бизнес уже приносит деньги, а картина уже в музее.

Люди обычно не хотят быть массой. Попытки сравнить с землей классовые общества приводили только к тому, что на искусственной социальной равнине быстро возникали уродливые бугорки и впадины, напоминавшие о прежних аристократах и люмпенах. И в нацистской Германии, и в советской России были придворные генералы, приближенные академики и правильные режиссеры, которые жили в специальных домах за заборами и ели специальную еду.

В искусственном обществе, таком как нацистское или советское, ценности искажены. Вещи, знания и богатство там ненастоящие, поэтому и «элита» тоже получается поддельная. Но в поддельном обществе складывается и настоящая «неаристократическая» аристократия. «Мы переживаем сейчас процесс общей деградации всех социальных слоев и одновременно присутствуем при рождении новой, аристократической позиции, объединяющей представителей всех до их пор существующих слоев общества», — писал немецкий философ и теолог Дитрих Бонхёффер в 40-е годы в Германии* — ровно тогда же, когда Набоков в Кембридже исследовал бабочек. Окружающей искусственности Бонхёффер противопоставлял качество, понимание которого и объединяет, по его мнению, новое «несловное» сословие.

* Д. Бонхёффер. Сопrotивление и покорность. Пер. с нем. — М.: Изд. группа «Прогресс», 1994. — С. 41.

Качество во всем — в человеческих отношениях, в идеях и в вещах. «Качество — заклятый враг омассовления». Что он имел в виду?

С качеством потребительских предметов разобраться несложно. Их высокое качество есть следствие жестокой конкурентной борьбы. Благодаря конкуренции автомобили, стиральные машины и чайники становятся и лучше, и дешевле.

Но есть такие уровни качества, которые никак не мотивированы борьбой за покупателя. Конкурентная среда просто не распространяется на некоторые области жизни. Ясность мысли, честность перед собой, выразительность в живописи, старые или уникальные вещи. Умение ценить качество такого порядка — человеческое свойство, которое не дало сравнять с грязью ни германское общество, ни советское. Понимание такого качества объединяет. А то, «обычное» качество, которое формируется благодаря конкуренции, разделяет общество.

Это разделение уже оформилось физически: обладатели разных автомобилей предпочитают жить в разных районах, часто даже в разных странах, они ходят в разные магазины, покупают разные вещи и пересекаются крайне редко. Их единственный шанс встретиться — посмотреть на одну и ту же картину или прочесть одну и ту же книгу.

ЧЕСТНОЕ ЖИВОТНОЕ

За последние две с лишним тысячи лет человек не должен был перестать быть «существом общественным» или, буквально, «животным политическим»*. Когда-то это считалось отличительным свойством свободного человека — не животного, не раба.

* Аристотель. *Политика*. // Сочинения. В 4-х т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984.

Но сейчас это как будто не так, да и вообще в разные моменты истории много раз казалось, что не так. Это могло восприниматься как необходимость мириться с неизбежным злом, или как служба, или как актив, который можно конвертировать в деньги. В тоталитарных обществах участие в политике почти неизбежно — либо сотрудничество с системой, либо борьба с ней.

Например, в советское время активный, мыслящий человек в какой-то момент вполне мог оказаться перед выбором — вступать в партию или не вступать. Если не разделяешь идеологии, то вступление оправдываешь пользой для дела, шансом слегка изменить мир, возможностями для карьеры, в конце концов. Ты реалист и понимаешь, что есть вещи реализуемые, а есть не реализуемые в данной системе. А твой друг видит в твоём решении то, что ты продался и пошел в партию. И со временем тебе все труднее с ним спорить, особенно когда уже есть дача, машина и даже возможность съездить в Чехословакию. А у друга ничего такого нет, и работа не по специальности, и здоровье так себе, потому что по неведомой причине нонконформизм в России (не всегда, но часто!) требует подкрепления алкоголем или другими еще более активными веществами. Конформизм, если он сугубо циничен, кажется, требует того же.

Егор Гайдар рассказывал мне, что эта ситуация была им с горечью осознана, когда в 1991—1992 годы нужно было срочно набрать людей для работы. С завистью он говорил про ту самую Чехословакию — там была «альтернативная элита». Были люди, после 1968 года выгнанные со всех значимых позиций, но сохранявшие компетентность. Их и позвали. А в России большинство людей, которые могли сразу начать хоть как-то работать, были из той же советской системы, только с этажей пониже верхнего. Система либо убила диссидентов, либо сделала

их маргиналами. Не знаю, может, и лукавил мой собеседник — сам он тоже был изнутри.

В общем, это старый для русского политического животного выбор — действовать изнутри или снаружи системы. Если изнутри, то для этого нужно войти в нее и стать ее частью. А как ты ее изменишь, если ты часть и у тебя уже связи и зависимость? А если ты снаружи и хочешь ее сломать, то в случае успеха очень многим будет плохо, включая невинных младенцев. Или ты конформист, или революционер — плохой выбор.

Жители развитых демократий говорят, что и у них все то же. Тоже надо либо входить в истеблишмент, либо оставаться на полях общества. Но конкуренция между несколькими, пусть и конформными системами — это все-таки не одна система.

У нас этот выбор всегда был острее, поскольку политическая альтернатива очень уязвима — система либо втягивает внутрь (реалисты), либо отбрасывает вон (диссиденты). Сейчас, когда эта дурная дилемма опять обострилась, «альтернативная элита» должна как минимум осознать себя таковой. Если ты честное общественное существо с головой и навыками, то выбор между поддержкой единственной партии или уходом в революцию — не единственный возможный выбор. А институциональное оформление альтернативы подоспеет, когда придет время.

АВТОРИТЕТ БЕЗ КАВЫЧЕК

Коллективное авторитетное мнение в сегодняшней России можно найти по любому вопросу*. Но авторитет, которого не хватает, это авторитет личности.

У нас есть коллективное мнение некоторой части элиты о состоянии страны, о ее ключевых проблемах и возможностях. Но носитель этого мнения — не конкретный человек, к которому хотелось бы прийти с новыми

вопросами. Это представители сообщества, ни один из членов которого не желает открыто выступать в личном качестве. Выступать в личном качестве им мешают деловые и корпоративные интересы. Каждому журналисту известно: если хочешь хоть в чем-то разобраться, узнай, каковы настоящие интересы собеседника. Тогда будет понятно, почему он говорит так или иначе. Банкир не расскажет вам, когда в его банке закончатся деньги. Министр финансов не предупредит о всплеске инфляции, ведь он обязан говорить, что инфляция будет низкой, ему по должности полагается сдерживать инфляционные ожидания. Действующий политик не даст предостережения о возможном кризисе. Он даст руку на отсечение, что кризиса не будет, ведь поддержание стабильности или видимости стабильности — его работа. Банкиры и министры — вполне компетентные люди, но они не могут быть носителями авторитетного мнения, существенного за пределами своей профессиональной и корпоративной среды. Итак, те, кто знает, не говорят. Те, кто говорят, мало что знают. Где вообще важны авторитеты и откуда они берутся? Мнение — это доверительная услуга, примерно как медицинская помощь или ремонт автомобилей.

Поскольку не каждый из нас врач, механик или биржевой аналитик, нужна база для доверия, иначе мы рискуем получить неверный диагноз. Наши риски велики, если мы не можем определить, где заканчивается компетентное мнение аналитика и начинаются его обязанности сотрудника инвестиционного банка, работающего на бизнес-

* См., например, опрос 58 ведущих предпринимателей, менеджеров, ученых и экспертов «Россия-2020», проведенный к Петербургскому экономическому форуму в 2008 г. С. Гуриев, И. Федюкин. Все проблемы — внутри. // *Ведомости* № 105 от 9.06.2008; М. Афанасьев. Запрос на новый курс. // *Ведомости* № 178 от 22.09.2008.

компании. Обмануть покупателя легко и в серых зонах, где плохо работает закон и поток информации ограничен. Здесь авторитет — носитель тайного знания, которое не с чем сравнить. Такой авторитет легко может оказаться фиктивным. Поэтому так опасны «эксклюзивные» сделки — покупки автомобилей, квартир и компаний с неясной судьбой.

Итак, рынок и свободный поток информации — на стороне покупателя. Интернет позволяет сравнивать мнения и тем самым создавать авторитеты: те, чьи рекомендации выдерживают проверку практикой и временем, набирают вес. Те блогеры, которых больше читают, становятся популярнее. Это понятно, но опять-таки не слишком помогает разобраться в главном. Прочтение реальности — доверительная услуга самого высокого уровня. Одних только «журналистских» критериев — компетентности и независимости — мало, чтобы оценить весомость мнения по поводу места страны в истории и нынешнего состояния общества. Когда мы говорим о людях, обладающих широко признанным авторитетом в обществе, вспоминаются 80-е годы. Вспоминаются Дмитрий Лихачев и Андрей Сахаров. Это люди, которым в то время хотелось задать накопившиеся вопросы и выслушать ответы.

Что было в них такого, чего нет в нынешних публичных интеллектуалах? Была признанная компетентность, была выстраданная независимость («независимость — признак интеллигентности», писал Лихачев), но что еще? Они не обладали властью и состоянием, не сообщали новостей, а формировали взгляд, вводили неписанные этические правила и стандарты поведения. «Моральный авторитет в обществе — не носитель профессионального знания, не проводник новой информации, а носитель правильного высказывания», — говорит директор Левада-центра Лев Гудков. Даже носителями традиции их можно назвать только условно — они могут и нару-

шать традиции, и создавать их, поскольку часто идут против общественного течения.

БОРЬБА ЗА ИМЯ

Случайно оказавшись на концерте немецкого барда Вольфа Бирмана, я вдруг осознал, что легко его понимаю. Мой немецкий крайне плох, но песни воспринимались так, как будто я слышал их когда-то в детстве. И в самом деле, в детстве я слышал что-то похожее — по-русски: песни Высоцкого.

Это не было увлечением. Высоцкого я подростком слушал с удовольствием, но очень скоро перестал, а остальных поэтов, певших под гитару, не очень любил и слушал редко. Но родительские записи и пластинки, как выясняется, сделали свое дело и крепко впечатались в подсознание. Этот голос, звучавший за стеной (а если посмотреть издалека, то за Берлинской стеной, которую разобрали как раз 20 лет назад), остается узнаваемым и каким-то особенно нашим, советским внутренним голосом. Это не только голос, это почти язык.

Бирман похож на Галича, поскольку в советские годы позволял себе «политику» и издевки над системой, а в целом немецкий бард похож и на Высоцкого, и на Окуджаву. Бирман совершенно с этим согласен: «Я потом узнал, как был на них похож; мы все были такие тогда, за стеной. Я стал известным в ГДР в 60-е годы благодаря песням, очень похожим по темпераменту на песни Высоцкого, — кричал очень громко». Песни распространялись в любительских записях, концерты давались на частных квартирах — всё как у нас. Потом, когда в середине 70-х во время поездки в ФРГ Бирмана лишили гражданства, он, по собственным словам, кричать перестал и стал «поэтичным, как Окуджава». Надрыв как-то связан с закрытостью общества, уверен он. «Все были

замучены, испуганы, ни у кого х. не стоял, и поэтому люди слушали того, кто мог кричать... Кричать — это был способ всем понравиться». И еще ему кажется, что в России Высоцкий до сих пор популярнее Окуджавы и из этого можно сделать вывод о состоянии общества.

Не знаю, прав ли Бирман, говоря, что Высоцкий популярнее Окуджавы. Но почему-то мне очень хотелось слушать, *как* он говорит и поет. Разговор напоминал о тех временах, когда спорили и выдумывали «теории». К тому же концерт был квартирный — обстановка, хоть и самая благополучная, напоминала о подполье. Я вдруг со стороны взглянул на жизнь за стеной, на сформировавшийся тогда язык. За стеной, за которой мы все росли, были совсем особые демоны и особые способы их заговаривать.

Авторы «авторских песен» часто были романтиками, верившими в общую для всех «идею». Дурное воплощение идеи, искажения в ее подаче, неправда тона — вот что было их темой. И Бирман, и Окуджава — дети убежденных коммунистов. И у того и у другого есть песни-молитвы, где молитва скорее метафора. Вызов здесь в употребленном слове, а не в его значении. И тот и другой верили в то, что идея существовала и ее можно было выразить, обойдясь без официального пафоса. Нужно было лишь быть честными, стремиться к всеобщему благу и не допускать цинизма в обращении с людьми и принципами. Достаточно было человеческого голоса — не «оперного», а самого обычного, чтобы быть услышанным. Достаточно было найти самый подходящий тон для передачи этического послания, а послание уже было готово.

В послании говорилось, что нужно вернуться к тому чистому, непорочному пласту, начиная с которого все пошло неправильно. Утраченный идеал мог быть в прошлом — например, раннем советском или в эпохе декабристов. Идеал мог обнаружиться и в каком-то параллельном мире — в стилизованном Средневековье с коро-

лями и принцессами или в мире мужской дружбы, походов, штурмов и горных восхождений.

Самые честные и глубоко чувствовавшие люди провели время за стеной — вплоть до самого ее разрушения — в борьбе с фальшью. Нужно было пройти суровую школу проб и ошибок, чтобы отстоять себя одновременно и перед властями (сохранить какой-то источник дохода), и перед друзьями и слушателями (сохранить доброе имя). Это была борьба с демонами — страха, тщеславия, уныния, отчаяния. В этой борьбе могло и не получиться великого искусства, но репутации складывались прочные. Они были нужны, конечно, не только бардам, но и журналистам, и ученым, и священникам, и самым шепетильным из литераторов — вообще всем, кто обладал хоть какой-то собственной аудиторией. Репутации — такое же достижение тех времен, как заводы, ракеты, книги и картины.

Но вот стена рухнула, и в тихую заводь повалило все, что было недоступно целым поколениям. Трагедия падения Берлинской стены и всего железного занавеса была в том, что времени за стеной, в большом мире, прошло слишком много. Внутри к радикальным переменам никто готов не был, как не было и глубокого понимания современного мироустройства, ему неоткуда было взяться. Людям, 70 лет варившимся в собственном соку и получавшим только отфильтрованные цензурой впрыскивания иностранной культуры, предстояло быстро переварить то, что их ровесники неторопливо осваивали годами — всё, от представлений об экономике и рынке до современной одежды и предметов гигиены.

Столько сил было потрачено на поиск верного тона, на утверждение репутации, на защиту доброго имени, а потом стало ясно, что все это в новой жизни — вещи самые ненужные. Эти навыки теперь практически утрачены, а они станут нужны, как только вернется спрос на репутации. Трудно себе представить, что не вернется.

СТАТЬ ДРУГИМ

Чтобы приобрести чистоту взгляда и в советское время, и сейчас, и здесь, и в любой другой стране, нужны особые качества и особый опыт. Чтобы не принимать за чистую монету сообщения прессы, чтобы ставить под вопрос основные посылы времени, нужны огромная сила воли и отстраненность, как правило, связанная с «другой» системой ценностей. Выработать чистоту взгляда одним помогают идеологические убеждения, не навязанные средой, другим — опыт противостояния преследованиям, третьим — национальное происхождение, иногда возраст. Лихачев прошел лагеря. Сахаров отказался от привилегий и комфорта ведущего советского ученого ради малопонятных соотечественникам принципов. Но эта позиция создала уникальную оптику для незамутненного взгляда на ситуацию. «Мое положение давало мне возможность знать и видеть многое, заставляло чувствовать свою ответственность, и в то же время я мог смотреть на всю эту извращенную систему со стороны», — писал Сахаров в предисловии к вышедшему в 1974 году в Нью-Йорке сборнику *Sakharov Speaks* («Сахаров говорит»).

Если «другие» люди в обществе есть, если голос их слышен, то общество развивается и о нем можно говорить не только как о политической единице. Когда мы говорим, что в том или ином обществе люди осмысленно относятся к своей истории, помнят традиции, мы на самом деле говорим лишь о небольшой части общества.

Речь не о политических лидерах, а о тех, кто задает темы общественного разговора, как об этом писал Ортега-и-Гассет в книге «Бесхребетная Испания»: «Там, где отсутствует влияющее на массы меньшинство, там общество либо отсутствует, либо находится на грани

гибели»*. Это та самая «конкурсная комиссия», о которой шла речь выше. Эти значимые в обществе (и отличающиеся от него) люди помнят историю, создают традиции и задают стандарты качества дискуссии и поведения. Сам по себе разговор в «бесхребетном» обществе не сложится и стандарты поведения не сформируются. Но, может быть, неформальное интеллектуальное лидерство в современном обществе вообще невозможно? Идеологии как таковые в мире в целом теряют влияние. Может быть, общественный авторитет — вообще вымерший вид. «В век великих идеологических проектов интеллектуалы играли роль попечителей, критиков и свидетелей. Они стремились направлять колесо истории в нужное русло или, бросившись под него, приносили себя в жертву. Но сейчас, когда колеса истории больше нет, их место заняли “эксперты, знатоки и блогеры”», — пишет британский историк Тони Джадт в одном из эссе в книге «Переоценка: размышления о забытом XX веке»**.

Возникновение сетевых сообществ и сетевых авторитетов, в том числе популярных блогеров, — часть общемирового процесса. Но сеть — только носитель, а не генератор общественного напряжения. У России в этой области свои сложности и свои возможности. Инаковость в советское время могла реализоваться в неучастии. Можно было демонстративно спуститься по социальной лестнице, став частью «поколения дворников и сторожей». Можно было, сохранив сравнительно высокий статус, занять позицию воздержавшегося и тем самым не уронить неформальный авторитет. В современной

* Х. Ортега-и-Гассет. *Бесхребетная Испания*, Пер. с испанского. — М.: «АСТ», 2003.

** T. Judt. *Reappraisals: Reflections on the Forgotten 20th Century*. — The Penguin Press, New York, 2008.

России спуск по социальной лестнице давно не воспринимается как благородный жест. Ниша дворников и сторожей занята теми, для кого это серьезная работа, возможность закрепиться и выжить в большом городе.

Независимость, таким образом, стала почти уничтожительным признаком. Она — признак того, что ты ни на кого не работаешь. Если ты свободен, то ты не востребован. Выгоднее быть проводником чьих-то интересов. Независимость — символ того ужасного времени, когда свободы было много, а денег и собственности — мало.

Результат почти 20-летнего бегства от независимости — привычный поиск заказчика за каждым высказыванием. Вспомним еще раз о качествах «других»: убеждения, национальность, возраст. Идеологические убеждения, альтернативные официальным, не повод для уважения. Национальное происхождение, альтернативное «титულному», — повод для недоверия и опасений. Что касается возраста как фактора, создающего базу для авторитетного суждения об обществе, то и здесь не все в порядке. Лидеры в гонке за материальным успехом — в большинстве 40-летние (см. «золотую сотню» российского издания журнала *Forbes*). Даже в семьях старшее поколение часто не воспринимается как источник премудрости. В целом инаковость в новой российской системе координат — свойство, вызывающее подозрения.

СНЯТЬ КАВЫЧКИ

Конечно, иллюзий за это время разрушено множество, и доверие к самой возможности бескорыстного высказывания подорвано основательно. Самое главное неприятное открытие постсоветского времени — осознание несправедливости мира и убеждение в том, что за любой «авторитетной» позицией стоят связи, слепая удача или несправедность, — создало мощную основу для

неприятия любого авторитета и появления «авторитетов» криминальных.

Материальное неравенство, разбросавшее людей далеко друг от друга, не могло не нанести обществу глубокой травмы. Ценности, пользовавшиеся доверием в 80-е годы, пережили девальвацию более глубокую, чем национальная валюта. С тех пор климат изменился: в желаниях и планах сделаны поправки на рыночную и (политически) авторитарную реальность, исчезли эйфория и надежды на чудо. Но появилось трезвое понимание, как ориентироваться на рынке и добиваться успеха в новой России. Эта ситуация создает людей, которые что-то из себя представляют, сами чего-то добились. Их авторитет формируется благодаря способностям, знаниям и достижениям — пока только на уровне профессиональных сообществ и отдельных социальных групп.

Общий для всех единый авторитет вряд ли сейчас возможен хотя бы в силу раздробленности общества. Это так, но основа для нового понимания инаковости уже заложена. Если взять деловое сообщество как одно из самых оформленных, то здесь «иной» — это тот, чей бизнес в значительной степени создан с нуля, то есть не основан на бывших государственных сырьевых предприятиях и ведется с соблюдением правил из неписаного кодекса «честной игры».

Большинство предпринимателей этой когорты молчат просто потому, что еще молоды и заняты бизнесом, а публичность может мешать делу. Публичность становится возможной при переходе в новое качество. Тогда и голос звучит по-другому. «Важно понимание того, как работает общество, как устроены конфликты интересов, — говорит в интервью еженедельнику «Пятница» Дмитрий Зимин, основатель компании «Вымпелком», ушедший в благотворительность, — почему общество, лишенное свобод, закрывает для себя возможность лидерства в

области высоких технологий»*. Зимин первым из основателей крупных и значимых российских компаний полностью отошел от дел и сконцентрировался на просветительской и издательской деятельности.

Еще один путь к публичности — действовать через парламент — крайне редко выглядит убедительно, поскольку предприниматели становятся депутатами для того, чтобы «решать вопросы». Содержательные публицистические выступления, такие как у Сергея Петрова, депутата Госдумы, основателя компании «Рольф»**, крайне редки в современной России.

Высказывание о состоянии нынешнего российского общества и государства звучит особенно весомо из уст человека, доказавшего свою состоятельность в рыночной реальности и сохранившего при этом внутреннюю цельность. Это и есть база новой инаковости, а значит, и общественного авторитета в постсоветской России. Речь, конечно, не о всяком предпринимательстве. Выходцы из чиновничьего и околোগосударственного коррупционного бизнеса не помогут обществу в понимании его проблем, поскольку сами являются проблемой и могут быть «авторитетами» только в кавычках. Как и все общество, бизнес неоднороден. Здесь сосуществуют носители разных, иногда противоположных, ценностных установок. Общественно значимые фигуры скорее вырастут среди тех, кто занят не обогащением любой ценой, а развитием бизнеса с соблюдением правил честной игры. Девальвированные ценности конца 80-х: свобода, независимость, открытость, честность — могут снова войти в общественный оборот только на новом

* В. Панюшкин. Инстинкт просвещения. // *Ведомости. Пятница* № 20 (107) от 06.06.2008.

** А. Воронина, Е. Виноградова. Чиновники давно богаче олигархов. // *Ведомости* № 114 (2136) от 24.06.2009.

уровне, благодаря новым людям. Возможно, что этими людьми будут не только общественно активные бизнесмены, но и профессионалы гуманитарной сферы — ученые, публицисты, писатели. Важна, конечно, не цеховая принадлежность, а, если угодно, чистота пути. Сахаров смог поставить под сомнение советскую систему после того, как благодаря собственному таланту и работоспособности достиг вершины в одной из немногих по-настоящему живых и конкурентных областей жизни в СССР — в фундаментальной и прикладной науке.

Он достиг успеха внутри системы прежде, чем выйти за ее пределы. Сегодняшняя академическая среда не обладает авторитетом советской академии, критерии успеха здесь не ясны, академические регалии девальвированы некомпетентностью и коррупцией. Эта среда также неоднородна с точки зрения стандартов качества — здесь сосуществуют старые институты, давно потерявшие связь с реальностью, и «острова» современной науки, интегрированной в мировую. Люди, добивающиеся успеха в науке, скорее оказываются за границей, чем в России. Традиционная среда для выращивания авторитетов — наука в России сегодня в этом качестве не работает. Другие «институты независимости» — пресса и публицистика — тоже неоднородны с точки зрения стандартов качества. На одном рынке сосуществуют издания, признающие ценность независимого мнения, и те, где можно за деньги опубликовать все, что угодно. И это тоже будет «точка зрения». Как только ценность стандартов качества будет признана, можно будет и в этой среде, и во всех прочих пройти чистым путем — подняться к успеху внутри системы, а потом выйти из игры и взглянуть на ситуацию по-другому.

8. Вернуть долю в стране

ГОРИЗОНТАЛЬ ПРОТИВ ВЕРТИКАЛИ

Когда президент отдает приказ, а где-то по пути приказание искажается и в конце концов не выполняется — это не просто безалаберность. Это противостояние вертикали и горизонтали. Им пронизана общественная жизнь в любом государстве. Но в России этот поединок особенно драматичен.

Вертикали, по которой сверху вниз движутся приказы и внутри которой заключаются стоворы между начальствующими и подчиненными, противостоят сети. Горизонтальные сети подтачивают власть пирамиды власти. Подряды на строительство крупных объектов и государственные закупки годами делаются по отлаженной откатной процедуре, естественно, закрытой от публики. Но существует закон о коррупционных практиках за рубежом (*FCPA*), позволяющий преследовать за взятки компанию, которая торгуется на американской бирже или просто имеет дело с другими американскими фирмами. Российская блогосфера полна примерами откровенного нарушения законов. В конце концов ничто не останется полностью тайным — рано или поздно всплывут обстоятельства создания российских чиновничьих состояний.

Работа юристов, журналистов, деятельность блогеров и просто общение между людьми размывают ценность обладания «тайной» информацией. На финансовом рынке такая информация называется «инсайдерской», и использование ее к собственной выгоде считается пре-

ступлением. Тот, кто знает о будущем совещании, где премьер-министр раскритикует конкретную компанию, может за один день приумножить свое состояние. Отлично заработает и тот, кто обладает правом вести закупки в интересах государства, и тот, чей родственник закупает оборудование для больниц, строек и городских служб. Заработает и тот, кто знает о том, как будет изменен налог на добычу нефти; и тот, кто знает об изменении тарифов на электроэнергию; и тот, кто знает, на какой участок в центре города положил глаз правильный застройщик. «Они очень похожи на настоящий бизнес, но как только начинаешь разговаривать, выясняется, что все их планы зависят от непредсказуемых действий чиновников, — рассказывал мне иностранный инвестор, приехавший в Москву, чтобы лучше узнать, куда бы вложить деньги. — Они принимают решения так, чтобы минимизировать ущерб от возможного произвола властей. Это тоже, конечно, рациональность, но не такая, как у нас».

Власть в России в большой степени — это игра на закрытых данных. Это битва за неопределенность, которая и есть настоящий товар, производимый российским государством. Главные игроки держатся за «служебную» информацию как за основу власти. Они могут без предупреждения менять правила игры. Благодаря доступу к тайному знанию они получают огромные деньги — и снова доступ к тайне — и снова деньги. Именно поэтому все, что подрывает власть тайного знания, государство воспринимает как угрозу. Именно это, а вовсе не «экстремизм» причина всех ограничений для прессы. Открытая информация подрывает власть, основанную на закрытой информации. Интересно отметить, что когда публикация на чувствительную тему готовится, заинтересованные стороны, если они знают об этой работе, пытаются ее предотвратить. Но только до выхода. После выхода они просто отмалчиваются. Кстати,

есть в этой области одно достижение — с начала 2009 года в России действует закон о доступе к информации госорганов (№ 8-ФЗ), которым пока мало пользуются и о котором мало знают.

Даже независимая проверка достижений «ученого» Петрика — угроза. Одно дело Петрик и его фильтры, назначенные партийным чиновником «перспективными», и другое дело тот же Петрик и его фильтры, рассмотренные настоящими учеными. Назначение сверху — вертикаль; проверка достижений коллегами — горизонталь. Во всех научных организациях мира достижения ученых подтверждаются именно коллегами — сетевым горизонтальным путем.

Вообще профессиональная ценность, творческие достижения, популярность и даже материальное богатство получают подтверждение со стороны, и поэтому вертикальная система воспринимает их как проблему. Поэтому и делаются попытки «назначать» властителей дум, художников, журналистов и бизнесменов. Ведь творческие достижения, популярность и деньги — это независимость, а закрытая система не переносит независимости. Интересно, что в одних областях назначенные фигуры закрепляются, в других нет. Существуют назначенные «журналисты» и «политологи» — на телевидении других, пожалуй, почти нет. Есть, скажем, назначенные художники с личными музеями при жизни (Шилов, Церетели), но не видно таких писателей. Аудитория Пелевина, Сорокина, Акунина, Улицкой — настоящая, честно заработанная.

Тот же процесс и в отношениях с бизнесом: «равноудаление» начала нулевых годов было процессом назначения олигархов. Самый строптивый, Михаил Ходорковский, отказался быть назначенным. Он желал быть самостоятельной фигурой, то есть считал, что может и должен сам распоряжаться капиталом, источником его

власти. Это была мощная «горизонтальная» угроза вертикали, и вертикаль пошла на жесткие ответные меры.

Сколько еще продлится господство вертикали, трудно сказать. Возможности сетей, включая и социальные сети в Интернете, ограничены. Но нужно понимать, что отношения вертикаль — горизонталь неизбежно изменятся в пользу горизонтали. Поиск и распространение общественно значимой информации — движение к свободе. Сетевые отношения, подрывающие коррупционные связи и связи по принципу патрон — клиент, — тоже путь к свободе. Бизнес, не зависящий от купленного через власть актива, — тоже. Авторитет, не назначенный, а завоеванный честно и открыто, — тоже.

СЕТЕВАЯ ВЛАСТЬ

Современный Интернет — не просто материал для чтения, но и среда для действия. Каждый из нас может пользоваться возможностями социальных медиа для общения, выражения мнений и коллективных действий. В странах, где таких людей больше, гражданское общество выходит на новый уровень — оно становится «сетевой властью». Пока это, впрочем, лишь потенциал, обещание.

В зависимости от того, насколько задействован этот потенциал, можно говорить о влиянии новых технологий связи на политическую сферу. Оговоримся сразу, что ведение микроблогов на сайте Twitter президентами самых разных стран, включая президента России, не относится к этой области вообще. Это заигрывание с «подключенной» частью общества. Блог при этом используется так же, как телевидение, — для вещания, вертикально, сверху вниз, от одного ко многим. Даже если президент решит по-настоящему честно вести блог и отвечать на вопросы, он не сможет это делать, не перестав быть президентом. Не должно быть у президента

никакого времени на блог. Это дело граждан, это процесс, в котором сообщения идут горизонтально, сразу между множеством людей. Или снизу вверх — с вопросами граждан, на которые государство обязано отвечать.

В России гражданская активность в Интернете развивается пока медленно, но ярко. Появление сайта Алексея Навального gospil.info стало прорывом, поскольку это не просто новый инструмент общественного контроля за расходованием государственных средств, но и механизм укрепления доверия общества к активистам. Навальный с самого начала сделал ставку на прозрачность источников финансирования и собрал добровольные пожертвования в сети, а не гранты в благотворительных фондах.

На сегодняшний день огромные гражданские возможности сетей минимально осознаны не только в России, но даже в самых «подключенных» странах. Пока речь идет об усовершенствовании механизмов подотчетности правительств и новых инструментах для активных граждан.

Вот примеры добровольного повышения прозрачности (логика «сверху вниз»). Сайт usaspending.gov аккумулирует информацию о расходах всех министерств и ведомств. На сайте whitehouse.gov вывешиваются списки всех посетителей высших чиновников правительства США, в открытом доступе расписания публичных встреч президента и вице-президента. На сайте rescue77.gov собираются данные об антикризисных мероприятиях государства. Эти базы созданы недавно, критикуются за несовершенство, но работа над ними продолжается.

Вот попытки организовать общение между народом и законодателями или чиновниками. Бразильский парламент открыл в прошлом году сайт, позволяющий гражданам влиять на разработку законов, предлагать и обсуждать их. Вот один из примеров организации широкого общения с гражданами — сайт обмена идеями города Мейнора в штате Техас: manorlabs.org.

Есть проекты, действующие в логике «снизу вверх». Например, сайты CrimeReports.com и seeclickfix.com позволяют людям сообщать о проблемах, отмечая их на интерактивной карте. В первом случае это преступления, во втором — неполадки, поломки, ямы на дорогах и прочие проблемы, требующие немедленного решения. От обычной жалобы эти сообщения отличаются публичностью — вывесив сообщение о сломанном светофоре или яме на дороге, я увижу, как меня поддержат другие граждане, и мы вместе проследим, как быстро дорожная полиция или муниципальные власти приедут на место.

Есть сайты, позволяющие гражданам стать более осведомленными об интересах, стоящих за тем или иным парламентарием. На сайте influenceexplorer.com можно ввести имя конгрессмена и получить отчет о том, кто и как финансировал его кампании. Есть сайт, позволяющий более осмысленно читать новости и комментарии: poligrift.com. Программа «прочитывает» нужную пользователю статью и сообщает о том, как связаны между собой публичные персонажи, дает ссылки на предыдущий сайт об источниках финансирования.

Представьте себе подобные ресурсы о российских министрах, депутатах, об их собственности, покровителях и «клиентах» (см. доклад Марины Литвинович «Власть семей»); о молодежных организациях (см. статью «Деньги «Наших» в номере от 29.11.10). Это, а не президентские блоги, позволяет представить путь, по которому будет развиваться гражданское общество. Важно понимать, что интернет-активизм, как правило, есть следствие уже развитых механизмов демократии и подотчетности государств.

В Бразилии, где граждане уже активно участвуют в политической жизни, Интернет позволяет сделать это участие еще более осмысленным. В США, где политики подотчетны обществу, сети позволяют следить за народными избранниками еще пристальнее. Нам нужно непо-

дотчетное государство сделать прозрачным; из государства-надсмотрщика и государства-вора сделать блюстителя прав и управленца. Трансформация, необходимая России, гораздо глубже, чем те изменения, которые нужны развитым демократиям.

Задачи, стоящие перед Россией и другими развивающимися странами, — это изменения на институциональном уровне. Они требуют стратегического видения, организации, реального лидерства, символа, вокруг которого общество может сплотиться и требовать изменений. Социальные медиа многое могут, но масштаб их действий у нас должен быть большим, чем в развитых странах. Нескольких активных людей, таких как Алексей Навальный, недостаточно.

Здесь важно остерегаться подделок. Интернет позволяет имитировать активность, чем, я уверен, обязательно займутся официальные структуры вроде «Единой России» (они уже выпустили доклад об «интернет-демократии» как инструменте модернизации). Они не будут и не могут сделать главного — институциональных изменений.

ЭЛИТА ДОЛЖНА ДЕЛИТЬСЯ

В России много думали о равноправии, восхищались крестьянской общиной и строили коллективную социалистическую жизнь. Но при этом управлял страной обычно узкий круг «лучших людей» («аристократия» — по-гречески власть лучших или знатных). В разное время лучшими становились по рождению, по материальному состоянию, по компетентности, по заслугам.

Мечтают об идеальном народном государстве всегда немногие избранные. Иногда — очень редко — они приходят к власти и получают шанс осуществить мечту. Результат, как правило, оказывается далеким от первоначального замысла. В XX веке результат был просто чудо-

вишным: мечтатели-элитисты, влюбленные в вечный Рим, создали фашистский режим в Италии; радикалы-социалисты установили диктатуру пролетариата в России; националисты-романтики были вдохновителями кровавых режимов по всему миру.

Все общества проходят через искушение элитизмом. Но российское все никак не переболеет и продолжает попадать в ловушку. Ловушка в убежденности, что на смену нынешней, плохой, элите придет другая — хорошая. Все разновидности плохой элиты нам отлично знакомы.

Российское общество меняло их как перчатки: мечтательную на националистическую, националистическую на кровавую, кровавую на вороватую, вороватую на мечтательную. И так по кругу да еще с совмещением и смешением всех этих свойств.

Хорошая элита сама собой не возникнет. Сама собой возникает только плохая, закрытая, отгородившаяся от мира, убежденная в своей непогрешимости, вооруженная безумной идеей — мессианской или национальной. Люди из подполья, оказавшись у власти и став элитой, несут угрозу своей стране и миру. Для появления хорошей элиты нельзя допускать застоя наверху, нужно открывать входы и выходы, развивать образование и не бояться конкуренции.

Нынешняя ситуация с «элитой» в России — не «национальная особенность». Таких наций много. Ученые говорят, что это стадия в развитии, пусть и затянувшаяся на века. Когда-то такими были и Англия, и Франция.

На симпозиуме памяти Хантингтона в Москве* об этом напомнил сам автор институциональной теории —

* Симпозиум памяти Самюэля П. Хантингтона «Культура, культурные изменения и экономическое развитие», который состоялся в Государственном университете — Высшей школе экономики 24–26 мая 2010 года, организован Институтом культурных преобразований совместно с ГУ-ВШЭ.

Дуглас Норт, нобелевский лауреат 1993 года: «Общества открытого доступа способны бросить вызов монополии действующей элиты». Но политикам, гражданским активистам, журналистам и блогерам гораздо труднее ставить под вопрос деятельность привилегированной элиты в обществах «закрытого доступа». Особенность таких обществ в том, что распределение хлебных мест, то есть «доступа к богатству», в них определяется распределением власти и «доступом к насилию». То есть экономические привилегии получает тот, кто уже обладает политическими — тот, кто может влиять на применение силы, учитывая, что законно применять насилие может только государство и его представители. Когда мы говорим в этой связи об «элите», мы говорим о «своих», об инсайдерах, которые всеми силами стремятся закрыть аутсайдерам пути, ведущие к обогащению. Так что доступ к скважинам, вывозу сырья, закупкам, доходам от недвижимости и даже к массовой аудитории в нашем случае и есть власть. Борьбаться с коррупцией в таком обществе, как российское, трудно, потому что коррупция — это и есть доступ к богатству.

Можно говорить о том, что политические системы отличаются друг от друга способами отбора лучших. Может быть, разумнее делить государства не на демократические и недемократические, а на открытые и закрытые с точки зрения формирования элиты.

В любом обществе можно обнаружить две силы: те, кто уже «в дамках» — победители, заинтересованные в поддержании текущего распределения богатства, в закрытости своего клуба; вторая сила — голодные и амбициозные новые люди, желающие потеснить старую элиту. В открытом обществе старые и новые — это условные «консерваторы» и «либералы», которые могут называться как угодно. Важно, что они конкурируют между собой, не применяя силу. В закрытом обществе все

иначе, ведь главная задача инсайдеров в этом случае — сдерживание смены элит. Под эту задачу выстраиваются правила игры в экономике, политике и даже в духовной сфере. Их суть — не пускать чужих. Даже православие нужно элите не как богатая духовная традиция, а как «ведомство православного исповедания», помогающее укреплять легитимность правящей группы.

Получается, что модернизация, то есть по сути переход к обществу открытого доступа, — это принятие правил, которые действуют для всех. Это правила, которые дают доступ к богатству и власти любым сообразительным и удачливым людям, чужакам. Необходимость модернизации вроде бы всеми осознана. Но для элиты модернизироваться — это значит пойти на снятие барьеров доступа в привилегированный класс. Введение действующих правил и подлинной законности будет означать готовность поделиться с гражданами деньгами и властью. Умная элита, как мы знаем из истории других стран, в таких случаях делится. Это лучший способ избежать конфликтов и революций.

НЕ ОТСТАТЬ ОТ ИСТОРИИ

До тех пор пока общество и элита не научатся договариваться, конфликты неизбежны. Мы много раз были свидетелями того, как история опережала самых властных и богатых, уверенных в том, что они всегда будут оставаться хозяевами положения. Не раз уступки, сделанные властями, оказывались недостаточными, общество их не принимало — делалось слишком мало, слишком поздно. Это урок, который хорошо должны были бы выучить элиты любой страны, пережившей кризисную смену режима. События начала 2011 года на Ближнем Востоке показали, что даже элитам этих, казавшихся такими стабильными, стран придется этот урок запом-

нить. В прошлом его хорошо выучили в Европе, а лучше всех должны были выучить мы в России.

В русской истории таких опозданий множество. Попытки ограничить власть монарха, провести аграрную реформу и укрепить права собственности делались между первой революцией и Первой мировой войной в спешке, в тяжелейшей конфликтной обстановке и не смогли остановить политический взрыв. Все это нужно было делать гораздо раньше и последовательнее. Реформы (в частности, столыпинские) в таком исполнении были уже не реформами, а попыткой обмануть историю.

Большевики тоже относились к истории высокомерно, но они попробовали не бежать за ней вслед, а обогнать ее. Процессы, которые длились в Европе столетиями, развитие промышленности и увеличение городского населения, решено было провести силой и быстро. К более высокой (социалистической) стадии развития общество, может быть, и придет само, но будет это не скоро. Исторический процесс решено было поторопить, жестко контролируя его ход. Партия взяла на себя чудовищную роль социального инженера — уничтожала одни классы, создавала другие, перемещала людей миллионами по стране и смешивала их в городах как в гигантской мясорубке.

Процессы, запущенные тогда, продолжают идти и сейчас. Один из видимых результатов — неконтролируемый рост городов, особенно Москвы. Другой результат (и урок) в том, что партия из инженера истории стала ее жертвой. Советские руководители, точно так же, как и царские власти, опоздали с уступками. Самоуверенность сыграла с бывшими инженерами истории злую шутку.

Этот бег по кругу привел нас сейчас к ситуации, когда старое несоответствие снова очевидно. Обществу нужно реальное представительство и действующие права собственности, а правящей группе, конечно, нет. Это противоречие, вопреки всему прошлому опыту, опять разре-

шается попытками обмануть историю. Об этом безжалостно свидетельствуют недореформа полиции и бесконечный пиар вокруг первых лиц государства.

Конечно, первым лицам трудно. Один из них, в данный момент президент, отвечает за реформы; другой, в данный момент премьер, отвечает за образ лидера. Первому нужно укреплять права собственности, гнать воров и преступников из правительства. Второму нужно ездить на гоночных машинах, петь и участвовать в популярных шоу, доказывая, что никаких воров гнать ниоткуда не нужно. Это не самая динамичная конструкция, что по-человечески понятно. Но это смешное оправдание с точки зрения истории. Ведь именно в России мы должны были лучше всех выучить ее уроки — не пытаться ее обогнать и не пытаться ее обмануть.

НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ

Британские журналисты ввели в оборот выражение «экономическое чудо», потому что были поражены ростом немецкой экономики в послевоенные годы. Победенная Германия в 1950-е годы развивалась в два раза быстрее победителей и один за другим отнимала рынки у бывшей империи.

Стремление общества восстановить страну, готовность работать по многу часов за небольшие деньги, помощь США (которую не стоит переоценивать: Германия выплачивала репарации), освобождение курса валюты, максимальное использование всех конкурентных преимуществ на рынках — рецепт, который чуть позже адаптировала для себя Япония. Вдохновляясь тем же примером, Сингапур, Южная Корея, а позже и Китай выработали для себя свои стратегии роста, в которых, если задуматься, чудесного было немного. Это примеры успеха целенаправленной политики роста и развития.

Когда политики мыслят стратегически, когда их знания и хитрость направлены на поиск наилучших возможностей внутри страны и во внешнем мире, а гражданам созданы условия для самореализации, то результатом оказывается предсказуемое экономическое чудо.

Российские лидеры тоже выбрали стратегию, направленную на достижение чуда, но не экономического, а политического. Они доказали, что можно работать на себя, а не на общество, брать взятки, не волноваться по этому поводу и оставаться у власти. Российская политическая элита — самая коррумпированная и некомпетентная среди стран, сравнимых с нами по уровню доходов и размеру экономики, а также среди стран БРИК. Уровень коррупции запредельно высок для страны с таким уровнем доходов. При ВВП на душу населения около \$15 000 по паритету покупательной способности Россия занимает в списке *Transparency International* место среди стран с реальными доходами около \$2000 на душу населения; это 154-е место из 172 возможных. По эффективности государственного управления (один из индексов Всемирного банка) Россия отстает даже от Индии и Китая, не говоря о Бразилии, Чили, Турции и других странах. По показателю верховенства права — тоже. С точки зрения неравенства (по индексу Джини) Россия находится примерно на уровне США, где душевой ВВП выше в три раза. В этом и состоит чудо — в умении считать себя правыми, несмотря на все перечисленное.

Конечно, большинству из нас не с чем сравнить деятельность правительства — для этого нужно иметь опыт жизни в другой стране или маниакально просматривать индексы. Неверие общества в возможность влиять на политические решения тоже сказывается. Кроме того, огромные усилия нынешняя администрация сосредоточила на пиаре, борьбе с независимыми журналистами и неправительственными организациями. Все это сопро-

вождается сворачиванием избирательных прав под разговоры о демократии.

Некоторые представители российской элиты, наверное, считают, что нашли «философский камень» в политике, то есть способ обеспечить себе свободу действий при отсутствии ответственности; научились приватизировать прибыль и национализировать убытки, использовать институты государства в целях личного обогащения. Но это неустойчивое равновесие: элита и общество не могут всегда оставаться безразличными друг к другу. Это состояние материального и морального неравенства («нам можно, вам нельзя»), как показывает опыт, заканчивается либо сознательными уступками со стороны элиты (европейская история знает такие примеры), либо принудительной сменой элиты (российская история).

Дарон Асемоглу, профессор Массачусетского института технологии, и Джеймс Робинсон, профессор Гарварда, предложили модель отношений элиты и общества на примере Британии, Франции, Швеции и Германии*. При определенном сочетании факторов — если уровень неравенства высок, если «приз», который общество получит при переделе, значителен — наступает переломный момент. В этот момент инсайдеры (деловая и политическая элита) могут пойти на расширение прав граждан, позволив им принимать более активное участие в выработке политики, в том числе налоговой — элита в этом случае делится властью. Последовательное расширение избирательного права в Европе в XIX веке было примером готовности инсайдеров поделиться властью. В Британии и Швеции XIX века властям удава-

* D. Acemoglu, J. Robinson. Why did the West Extend the Franchise? Democracy, Inequality and Growth in Historical Perspective, http://scholar.harvard.edu/jrobinson/files/jr_west.pdf

лось почувствовать эти точки перелома и поделиться властью и деньгами с обществом, то есть увеличить долю каждого гражданина в его стране, не дожидаясь революций. Франция революций не избежала. Еще один способ избежать социального взрыва — начать делиться деньгами, то есть снижать налоги, напрямую выплачивать гражданам деньги, выдавать субсидии и льготные кредиты. Это хороший и верный способ поддержания стабильности, но прибегнуть к нему может только страна, обладающая практически неисчерпаемым и находящимся полностью в распоряжении власти источником дохода. В России, в отличие, например, от Саудовской Аравии, возможности такой политики крайне ограничены и скоро будут исчерпаны.

Странно было бы считать, что эти закономерности не относятся к нам. Даже если не верить историческому анализу, достаточно взглянуть на российскую историю, чтобы увидеть, насколько тяжелыми были у нас взаимоотношения привилегированной части общества (в разное время это была дворянская, партийная, олигархическая элита) и всеми остальными. Властвующая элита в России не раз предпочитала не идти на компромисс, а дожидаться катастрофы. История власти в России — катастрофическая. Это история преступлений, продолжающаяся до сего дня.

И, как мы видели выше, это история трагических опозданий. Когда нужно было делиться властью, люди, принимающие политические решения, только дозревали до осторожных уступок. Болезненная одержимость властью — главная историческая ошибка властвующей российской элиты, из кого бы она ни состояла в данной точке истории.

Возвращение к мысли о том, что у каждого гражданина на есть в его стране доля, — неизбежно. Гармония в отношениях между властью и обществом зависит от того, чувствуют ли себя граждане счастливыми или обманути-

ми дольщиками. Доля — это и участие в выборах, и чувство причастности к ключевым стратегическим решениям, и согласие с тем, как используются человеческие и природные ресурсы страны. Российская властвующая элита, как заколдованная, снова совершает старую ошибку — отнимает права и ресурсы у общества вместо того, чтобы идти ему навстречу.

О ХОРОШЕЙ И ПЛОХОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В государствах, где альтернативы имеющейся власти нет, у политиков всегда повышенное чувство опасности. Как только на Ближнем Востоке начались революции, китайские власти ужесточили цензуру в Интернете, арестовали нескольких активных блогеров, начали ограничивать поступление новостей из Северной Африки и арабского мира. Власти даже попытались изъять из Интернета старый видеоролик, в котором председатель КНР Ху Цзиньтао поет народную песню «Жасмин» (символ ближневосточной революции).

В Саудовской Аравии король Абдулла, прошедший несколько месяцев на лечении за рубежом, вернулся домой и объявил, что выдаст гражданам \$36 млрд в виде субсидий, социальных выплат и пособий по безработице. В России президент Дмитрий Медведев прокомментировал революции так: «Такой сценарий они и раньше готовили для нас, а тем более они сейчас будут пытаться его осуществлять». Кто «они»? Что они готовили и почему будут пытаться еще раз?

Страх — плохой советчик. Ни в Китае, ни в Саудовской Аравии, ни в России у правящих сил нет видимых причин для беспокойства. «Поразительно видеть, что китайское правительство, богатое и властное, добившееся потрясающих экономических успехов, так легко поддается страху, — пишет Феи-Лин Ван, про-

фессор международных отношений Технологического института Джорджии. — Несмотря на огромные инвестиции в порядок и стабильность, китайские чиновники часто ведут себя так, как будто их государство находится в шаге от коллапса».

Такое поведение заставляет подозревать, что правителям известно что-то, чего не знаем мы, что положение хуже, чем кажется со стороны. Политики сами переводят дискуссию в «революционный» режим — совершенно истерический. Это режим передела по принципу «все или ничего», «мы или они». Гораздо продуктивнее говорить о том, что именно нужно делать, что менять, и тогда разговор сам собой переходит из негативного в позитивный тон. Тогда становится очевидно, что нужен не еще один передел власти-собственности, а создание новых институтов и новой стоимости.

В отличие от Китая и Саудовской Аравии Россия — продукт уникального эксперимента советских времен, который представлял собой частичную модернизацию аграрного общества. Мы стали урбанизированным обществом с развитой промышленностью, образованием и ценностями, свойственными развитым странам. Но модернизация была, вполне намеренно, частичной. Ключевые задачи, которые в России не решены, — это построение современного государства, «селекция» современной бюрократии, переход от «управления с помощью закона» к верховенству права, построение реального представительства интересов. Это созидательные задачи. И в их решении без новых людей с чистой репутацией и положительным опытом, например зарубежным, не обойтись. Архаичный институт, который производит блага для чиновников и называется у нас «государство», обновить могут только новые люди. Изменить позорную ситуацию с правоохранительной системой и правосудием тоже могут только новые люди.

За эти ценности российское общество будет бороться. И вполне в человеческих силах свести эту борьбу к торгу, а не к жесткому конфликту. Самые продуктивные революции в мировой истории — это «договорные» революции, например реставрация Мейдзи в Японии, сделка между работодателями и профсоюзами в Швеции, переход от диктатуры к демократии в Испании, отказ от режима апартеида в Южной Африке. События, революционные по своим последствиям, представляли собой переговоры и торг, т. е. процессы, а не единовременные взрывы. Результатом каждого из них была заново «учрежденная» страна и постепенные и глубокие перемены в общественных ценностях. Но эти процессы не были похожи на то, что случилось у нас в 1917 году, в Иране в 1979-м и в Египте в 2011-м.

Такие взрывы, как на Ближнем Востоке, — это невероятно дорогостоящее решение простой задачи. Смена лидера не должна быть такой затратной: честные выборы гораздо дешевле. В политических взрывах всегда виноваты лидеры, не способные вовремя уйти. На таких лидерах ответственность за отсталость их стран. Провоцируя взрывы, они скорее отвлекают общество от действительно необходимых изменений. Ведь к продуктивным изменениям ведет процесс, а не однократное событие, в чем бы оно ни состояло. И России тоже нужен процесс — завершение модернизации.

Запрет «Жасмина» в Китае и разгоны демонстраций в России — плохая политика, потому что она делает оппозицию более радикальной. Любые горизонтальные связи, которые облегчаются социальными сетями, нужно поощрять. Оппозиции нужно дать возможность расти и развиваться, чтобы она могла стать полноценной стороной в торге за обновление страны. Президент Медведев и председатель правительства Путин должны с огромной благодарностью и надеждой смотреть на

активных политических оппозиционеров. Все центральные площади должны быть для них открыты. Потому что это надежда прийти к хорошей, договорной революции и избежать плохой.

КОГДА НАСТУПИТ ЗАВТРА

Вести любую осмысленную политику в России сейчас невозможно из-за глубокого противоречия между ценностями и интересами. Ценности — это содержание политики, которым должны быть движимы люди, принимающие решения. Интересы — это то, чем они в действительности руководствуются. Расхождение между двумя этими устремлениями есть всегда, и в любой стране, и в любом виде деятельности.

Но у нас ценности и интересы противостоят друг другу. Получается тяни-толкай. Ради долгосрочного развития, которое всем необходимо и выгодно, нужно ликвидировать коррупцию и заняться наконец стратегией. Но как же это возможно, если нынешняя игра без правил приносит обладателям привилегий гигантский выигрыш здесь и сейчас? Ценности — т. е. устойчивый рост, хороший инвестиционный климат для всех, гарантии прав собственности — это наше завтра. Интересы — т. е. возможность заработать на плохом климате и на отсутствии прав собственности — это наше сегодня.

При нынешнем положении завтра никогда не наступит. Расследования реальных коррупционных историй ведутся крайне медленно и избирательно, а на политическом уровне принимаются антирешения. Законодательных нововведений, больше похожих на инструменты для обогащения, принимается множество, это ведь поточное производство. Экологи Игорь Честин и Евгений Шварц показали в статье “Бумажная вертикаль” закономерности, в соответствии с которыми принимаются или не принимаются

законы в их сфере («Бумажная вертикаль», «Ведомости» от 28.12.2010). Закон принимается, если он расширяет возможности чиновников — например, позволяет менять назначение угодий и принимать решения о строительстве. Закон не принимается, если он такие возможности ограничивает.

Это то самое противоречие между сегодня и завтра, которое справедливо и во всех прочих сферах. Заповедники нужны, но завтра. Заработать настоящие деньги можно уже сегодня. Противоречие существует, потому что приз огромен: это шанс навсегда решить материальные проблемы для себя и своих детей. Соображения о таких абстракциях, как «будущее» и «развитие», смешно даже вводить в эту формулу. Риск проигрыша настолько несопоставим с выигрышем, что не может остановить игрока. К тому же риск управляем, потому что у правосудия тоже есть цена. По-человечески это глубоко понятно. Нет таких сил, чтобы устоять в подобной игре. Никто, в общем, и не пытается. Все усилия российской элиты направлены на сохранение нынешнего российского Эльдorado на максимально долгий срок.

Интересно, что противоречие между ценностями («идеалами») и интересами многим виделось ключевым препятствием для перестройки — 20 лет назад. Знаменитая в свое время статья Андрея Нуйкина «Идеалы или интересы?», вышедшая позже в виде книги, полна пугающими (или смешными) параллелями с сегодняшней российской повседневностью. Вот как Нуйкин определял социальную группу, которая, по его мнению, противостояла прогрессивным реформам: «У разношерстной касты практических людей сложилась и неплохо функционирует достаточно развитая система экономических отношений, своя, кастовая мораль, изошренная, двухслойная (для себя самих и для публики) идеология, свое искусство, своя наука, своя юриспруденция (легкость обращения с зако-

ном), своя система подготовки кадров и их распределения (Плехановский институт...), своя особая система взаимоотношений, далеко не всегда соответствующих отношениям официальным...»*.

Вот такой круг в который раз прошло общество. Правящая группа отчасти выжила, но в еще большей степени родилась вновь: ее ценности воспроизвели себя в новых людях. Мораль будет у нее оставаться «своей», идеология и юриспруденция будут «двухслойными» до тех пор, пока выигрыш будет таким огромным, а риск наказания за нарушение закона — ничтожным. Совершать внутреннюю революцию сама элита не планирует — это полностью противоречит ее интересам. Может, это будет какая-то сила со стороны? Снизу? Сверху? Есть ли у нынешней элиты понимание, что она — в предыдущей инкарнации — уже оказывалась в похожем положении? Есть ли шанс, что, осознавая эту дурную бесконечность российской политики, президент или премьер сделают попытку разорвать порочный круг? Например, пойдут — вопреки собственным сиюминутным интересам — на найм в правительство людей с другой системой ценностей? Это будет означать ограничение возможностей или даже преследование по закону тех, кто сейчас в выигрыше. Чтобы пойти на такой шаг, элита или ее часть должны возвыситься над собой, договориться и сказать «хватит». Впрочем, именно в этом году (2011) очень вероятна настоящая борьба внутри элиты — из-за того, что у нас называется выборами.

Конфликты между семьями, группами, партиями не раз становились толчком к формированию новых независимых институтов. Именно в конфликтах формирова-

* Нуйкин А. Идеалы или интересы? — М.: Книга, 1990. — С. 24. (Благодарю Сергея Станкевича, указавшего мне на эту книгу.)

лись независимые суды, пресса, современное государство. Не исключено, что к конфликту правящая «партия» может прийти, например, из-за падения цены на нефть или какого-то другого внешнего события. Приз уменьшится, играть станет неинтересно, и новым людям придется заниматься решением тех скучных задач, которые были нынешней элите неинтересны: лечить пенсионную систему, систему здравоохранения, образования, создавать современные институты обеспечения безопасности, неприкосновенности личности, собственности и качества инвестиционного климата.

И тогда наступит завтра. Главное, чтобы двухслойная идеология и практика не воспроизвела себя снова.

Максим Трудолобов

Я И МОЯ СТРАНА:
ОБЩЕЕ ДЕЛО

Компьютерная верстка *В. Козак*

Подписано в печать 1.06.2011. Формат издания 60x84/16.
Печ. л. 9. Тираж 1000 экз. Заказ № 1867-11.

Московская школа политических исследований
127006, Москва,
Старопименовский переулок, д. 11/6, строение 1.
Тел./факс: +7 (495) 699 01 73
E-mail: mmps@mmps.su <http://www.mmps.su>

Отпечатано в ЗАО “Полиграф-защита”
115088, г. Москва, ул. Южнопортовая, 24, стр. 1

За 20 лет, прошедшие после распада СССР, проблемы выживания и ориентация на достижение личного успеха полностью вытеснили из массового сознания такие сложные категории, как общество и государство, считает автор книги. Граждане России, как показывают социологические исследования, испытывают отчужденность от общественных процессов: выбора достойных лидеров, организации жизни в городах, районах, стране. Между тем, без общего дела, res publica, нет общей страны. Как изменить ситуацию? На каких основаниях строить механизмы гражданского участия, солидарности и ответственности за судьбы России?

*Об этом размышляет известный журналист
МАКСИМ ТРУДОЛЮБОВ.*

ISBN 978-5-91734-021-0

9 785917 340210